

МОСКОВСКИЙ

BAZAR

№ 1 (31) 2020

Журнал Московского Салона Литераторов www.mossalit.ru

***Tous les genres sont bans,
hors le genre ennuyeux.***

***Все жанры хороши,
кроме скучного.***

Журнал выходит в рамках
проекта «МОССАЛИТ»,
руководитель проекта
Ольга Грушевская

Главный редактор
Светлана Сударикова
Редактор-корректор
Ирина Чижова
Художественный редактор
Ольга Грушевская

© МОССАЛИТ

Колонка главного редактора**Что... опять?**

Да, опять Новый год. 2019-й прошуршал страницами календаря, и вот последний листок оторвался и улетел в прошлое. 2020-й смело шагнул на порог. Мы в новом годовом пространстве. Загадываем желания, планируем будущее, надеемся на лучшее. А что, собственно, изменилось? Земля по-прежнему вращается вокруг Солнца, день сменяет ночь все в том же налаженном ритме, зима повернула на лето. Природа не замечает этой перемены. А мы радуемся, достаем с антресолей шары и мишуру, наряжаем елки, пьем шампанское, надеваем карнавальные маски. Мы придумали праздник и свято исполняем ритуал, хотя зачастую и праздновать-то нечего: никаких новых успехов, никаких новых достижений, всего лишь новый год.

И все-таки я люблю этот праздник. За что? За истории. За те истории, которые хранятся в сундучках нашей памяти. Мы бережно достаем их, сдуваем пыль и пересказываем, дополняя новыми, уже придуманными деталями. Бесконечные новогодние истории. Они у всех разные, иногда очень похожие друг на друга, но все же с важными подробностями, свойственными только определенной истории. И вот все эти истории в новогодние дни собираются в одну большую Новогоднюю Книгу, которая хранится, конечно, у Деда Мороза.

Истории в этой книге не всегда веселые. Но такова жизнь. Без грустных историй Книга была бы неполной и фальшивой. В этих историях живут наши родители, дедушки и бабушки – те, кто еще с нами, и те, кого уже нет, и наши ушедшие друзья; и беспечные школьные годы – они занимают в Книге особое место; и наши так быстро взрослеющие дети, и даже внуки. Раз за разом мы проживаем эти истории, существующие одновременно и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Краткий период безвременья, где ожившее прошлое соседствует с надеждой на будущее, отражаясь в мерцающих сферах новогодних уграшений. Вот такое волшебство.

Новогоднее безвременье. Оно такое короткое! Буквально пара дней – и наступивший год затащит в водоворот привычных событий, все опять пойдет как прежде – налаженный ритм жизни. Дед Мороз закроет Волшебную Новогоднюю Книгу, дополненную новыми историями, и спрячет до следующего Нового года. Шары и мишура вернутся на антресоли, елку отправят на свалку, салаты съедят, маскарадные костюмы уберут в шкаф. И мы будем жить дальше.

С Новым годом, друзья! Ловите этот прекрасный момент, рассказывайте ваши истории, и пусть наступивший год с магическими цифрами 2020 будет у вас счастливым и удачным.

Ваша Светлана Суздальцева

СОДЕРЖАНИЕ

АРТ-КАФЕ

ХУДОЖНИК НАХОДИТСЯ ВО ВЛАСТИ ВПЕЧАТЛЕНИЙ, ОЩУЩЕНИЙ И ФОРМ. *Интервью с художником Александром Рассановым (Москва)*

5

ПРОЗА

ЯН КАУФМАН (МОССАЛИТ, Москва)

- ЧУДОТВОРНОЕ НАДУВАТЕЛЬНОСТЬВО. *Пикареска*
- БЫЛОЕ и ДУМЫ

10

13

ДМИТРИЙ ЧАРКОВ (Москва)

- ТИГРЫ, МИШКИ, ТОПОЛЯ...
- ОФОРМИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА

16

19

ВЛАДИСЛАВ КУРАШ (Украина)

- НАШ ЧЕЛОВЕК В ВАРШАВЕ

24

КОНСТАНТИН ЕВДОКИМОВ (Камышин, Волгоградская обл.)

30

- ОДНАЖДЫ В ДЕРЕВНЕ

33

- О НАГРАДЕ

ПОЭЗИЯ

ЕВГЕНИЙ АГУФ (МОССАЛИТ, Москва)

38

ИРИНА ХАНУМ (Севастополь)

40

АЛЕКСАНДР СУХИХ (МОССАЛИТ, Москва)

45

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ЗИНАИДА КООКРИНА (МОССАЛИТ, Королёв)

- ЗДРАВСТВУЙ, ДЕДУШКА МОРОЗ! *Проза в стихах*

49

ТАТЬЯНА ПОПОВА

- КАК ДЕД МОРОЗ ПОДАРКИ ПЕРЕПУТАЛ
- ИСТОРИЯ, СЛУЧИВШАЯСЯ В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ
- ПАПА НЕ УМЕЕТ РИСОВАТЬ

51

54

60

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

СВЕТЛАНА СУДАРИКОВА (МОССАЛИТ, Москва). Фото автора

- ГМУНДЕН. ЖЕМЧУЖИНА ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ АВСТРИИ

66

ГОРОСКОП

Зинаида Кокорина (МОССАЛИТ, Королёв)

- ГОД КРЫСЫ. Стихи

70

В оформлении журнала использованы репродукции картин М. К. Эшера, зимняя тема в полотнах К. Коровина, О. Ренуара, Г. Луазо, К. Моне, А. Сислея, К. Писсарро, а также репродукции картин А. Рассанова, фото С. Судариковой. На обложке: К. А. Коровин. Деревенские танцы. Масло, 1936

Константин Коровин. Москворецкий мост. 1914

АРТ-КАФЕ

Интервью с художником
Александром Рассановым (Москва)

ХУДОЖНИК НАХОДИТСЯ ВО ВЛАСТИ ВПЕЧАТЛЕНИЙ, ОЩУЩЕНИЙ И ФОРМ

Московский BAZAR: Александр, мы рады представить вас читателю журнала «Московский BAZAR» и, конечно же, сразу встаем перед выбором, с чего начать наш разговор: о вас – как о сотруднике отдела аудиовизуальных фондов ГМИРЛИ, или о вас – как о художнике?

Александр Рассанов: Давайте я скажу несколько слов о том, чем я занимаюсь по роду своей деятельности, и вообще о том, что такое аудиовизуальные фонды...

МВ: Да, наверное, это будет трамплином для разговора о живописи и вашем творчестве.

АР: С 2007 года я работаю в Государственном Литературном музее, в отделе аудиовизуальных фондов. У нас хранится, я думаю, самая большая в стране коллекция уникальных звуковых материалов, посвященных русской литературе. Около десяти тысяч различных звуковых носителей: фонографических валиков начала прошлого века, граммофонных пластинок, магнитофонных бобин, компакт-кассет, лазерных CD и т. д. и т. п. Десять тысяч единиц – это, на первый взгляд, не такая уж и большая цифра – в России есть и более значительные фонды фонограмм, – но там общая «звуковая могила», музыкальные записи, голоса политических деятелей, знатных доярок, заслуженных механизаторов и еще тысячи других тем и направлений, у нас – русская литература в звуке: авторское чтение поэтов и прозаиков, записи литературных вечеров и конференций. Хотя, конечно, и у нас есть музыкальные фонограммы. Основа нашей коллекции (или скажем мягче – важная часть) – это собрание восковых фоноваликов 1920-х годов. В это время в Петрограде (Ленинграде) существовал такой Кабинет изучения художественной речи (КИХР). Располагался он сначала в Институте живого слова, а с 1923 г. в Институте истории искусств. Так вот, в этом Кабинете выдающейся лингвист Сергей Игнатьевич Бернштейн записал на фонограф (устройство, придуманное в конце XIX века Т. А. Эдисоном) практически всех сколько-нибудь значительных поэтов, живших тогда в России. Назову некоторые имена: А. Блок, А. Белый, Н. Гумилев, О. Мандельштам, В. Ходасевич, С. Есенин, В. Маяковский, Н. Клюев, М. Кузмин. Частично эти материалы удалось оцифровать, перевести на современные носители звука. Если вы найдете в Интернете (или услышите в какой-нибудь телевизионной передаче) голоса Владимира Маяковского, Сергея Есенина или Осипа Мандельштама, знайте, что это все пришло из КИХРа. В настоящее время сотрудники музея продолжают дело Сергея Игнатьевича. Мы записываем – уже на цифровые диктофоны и цифровую видеокамеру – чтение современных литераторов. И, разумеется, остается задача перевода фонда старых записей в современный, цифровой формат.

Московский BAZAR № 1 (31) 2020 г.

МВ: Что ж, это очень интересно. В феврале 2019 года в галерее «ПЛАТО-М», созданной МОССАЛИТОм на базе библиотеки имени А. П. Платонова, проходила ваша совместная с Мариной Искандер выставка графики «Меж миром и игрушкой», где был представлен очень интересный и необычный ряд ваших работ и работ Марины Искандер. Мы надеемся выйти на отдельное интервью с Мариной, а пока хотели бы поговорить именно о вашем творчестве. Согласитесь, название выставки необычное. Что оно отражало, что вы вкладывали в эту фразу?

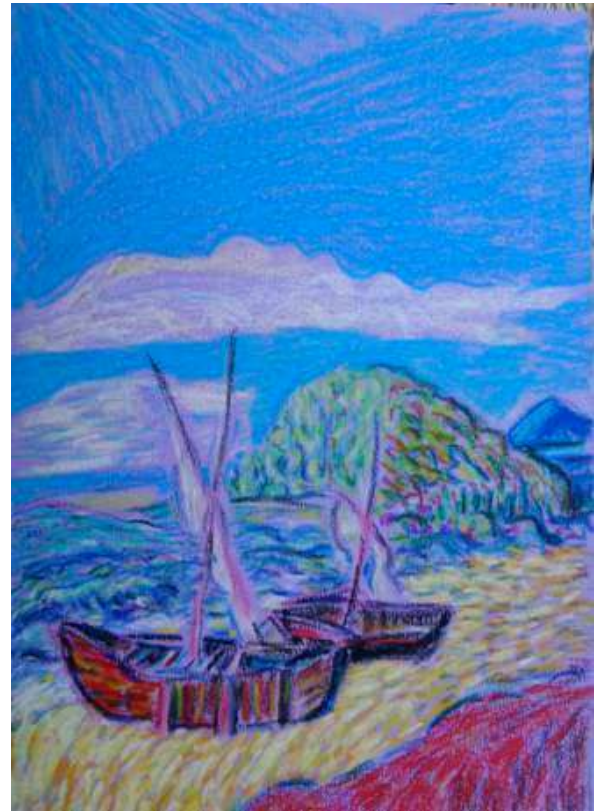
АР: Это название – цитата из стихотворения Р.-М. Рильке. Для меня «Меж миром и игрушкой» – это какое-то промежуточное положение между Игрой и Исследованием. Может быть, это название даже содержит какое-то сомнение в собственных творческих силах, в их соответствии сверхзадачам искусства. Но это я говорю только от себя. У Марины, возможно, будет какая-то другая трактовка.

МВ: Когда вы начали писать картины и что послужило толчком?

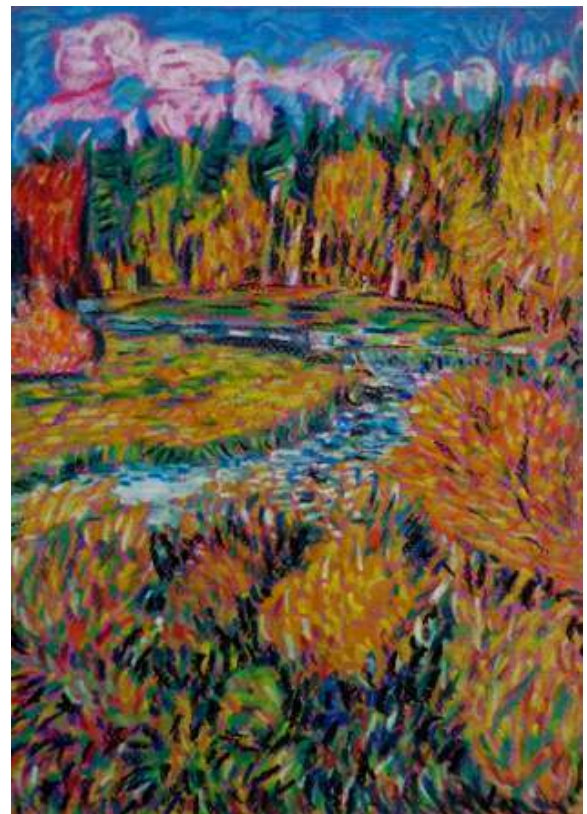
АР: Мне трудно сказать, что был какой-то толчок или еще что-то подобное. В свое время (еще до моего рождения) мой отец дружил с художниками, бывал в разных компаниях, связанных с русским авангардом 1960-х – 1970-х годов. С детства я слышал разные имена... Анатолий Зверев, Василий Ситников... Часто бывал на выставках, в галереях. Дома было множество альбомов по искусству. Импрессионизм, постимпрессионизм. Но не думаю, что это меня как-то особенно интересовало в детстве. Это была такая данность. Мир, который существовал всегда. А пастелью я начал заниматься в начале 2000-х.

МВ: Есть ли у вас любимая картина?

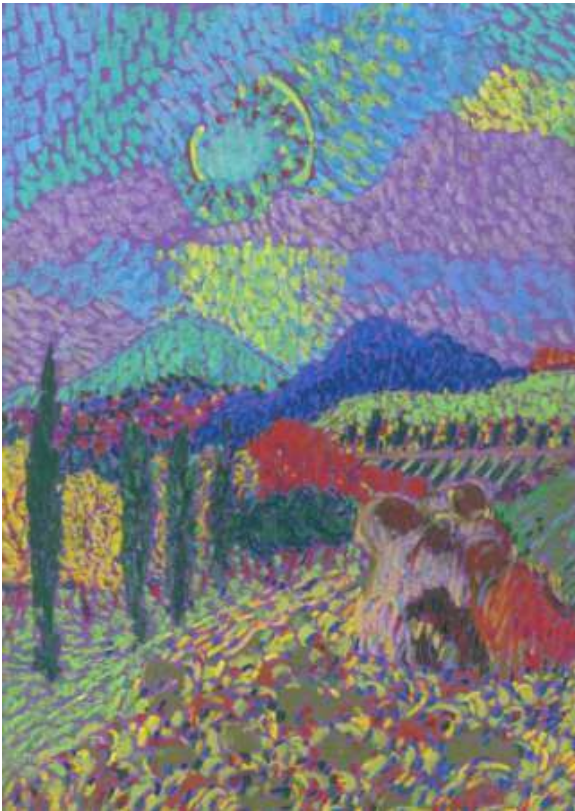
АР: Думаю, что нет.

Море, лодки

Осенняя река

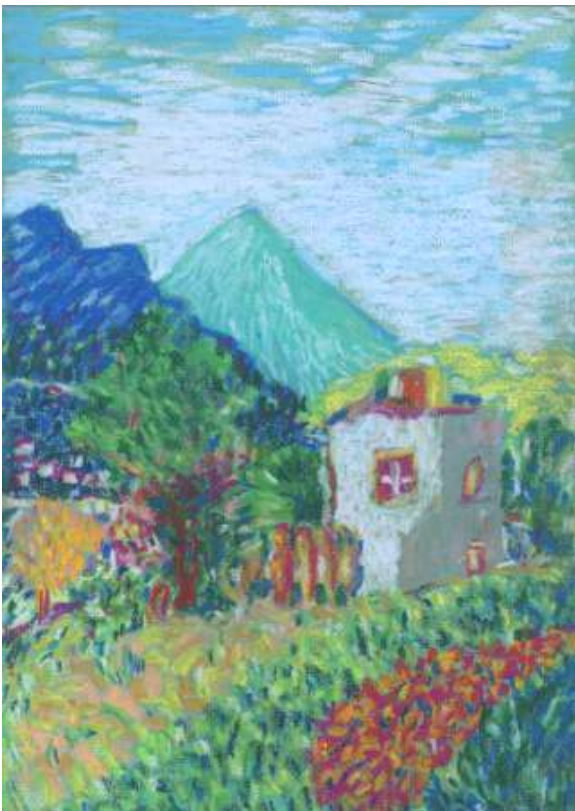

Южная мозаика

МВ: Многие ваши картины напоминают технику неоимпрессионистов – пуантилистов, в основе которой лежит манера письма отдельными наложенными мазками. Пуантилисты, среди которых Сёра считают основоположником, в основном не смешивали краски, а создавали интересный оптический эффект именно за счет мазков различной формы как точечной, так и более широкой. Ваши картины тоже написаны мазками, например «Море, лодки», «Осенняя река», «Южная мозаика», «Воспоминания».

Отсюда закономерный вопрос: к какому стилю можно отнести ваше письмо в наибольшей степени? Какие материалы, техники вы используете?

АР: У меня нет приверженности какому-то одному стилю. Мне нравятся пуантилисты, но это в общем ряду постимпрессионизма. Наверное, в большей степени, чем Сёра, на меня произвел впечатление «дикий» Анри Матисс. Девяносто девять процентов моих работ – это масляная пастель.

Воспоминания

МВ: Как рождаются картины и долго ли вы над ними работаете?

АР: Нет, все довольно спонтанно. И довольно быстро. Иногда я могу сделать десять и более работ четвертого формата за один раз, за пять – шесть часов. Это если «попадаю» в настроение.

МВ: Что для вас ценно в творце – в общем, и в художнике – в частности? Отличается ли творец от «обычного» человека?

АР: Творец – это слишком громко сказано. Назвать себя творцом я не могу. Но, наверное, настоящие творцы отличаются от «обычных» людей. Думаю, что в их творчестве «мира» больше чем «игрушки». Вообще мне кажется, что надо разделять, например, творца-писателя и творца-художника. Первый должен заниматься мыслительной деятельностью, быть интеллектуалом, второй же находится во власти впечатлений, ощущений и форм. Этим творцам друг с другом будет сложно.

Но и у того и у другого должны быть открытия, какие-то прорывы. Не знаю, должна ли «поэзия быть глуповата», но изобразительное искусство быть немного глуповато должно.

Московский BAZAR № 1 (31) 2020 г.

МВ: Мы слышали, что вы пишете стихи. К сожалению, с вашим поэтическим творчеством мы незнакомы – уверены, всё впереди, но хотелось бы узнать, есть ли в вашем творчестве взаимосвязь между поэзией и графикой (живописью). Они существуют параллельно или замещают друг друга?

АР: Не думаю, что это очень ценно. Стихи я когда-то писал, чтобы развлечь двух или трех своих приятелей. Это все немного несерьез... А за последние десять лет стихотворений было три или четыре.

МВ: Что, на ваш взгляд, должно доминировать в художнике: порыв или холодный профессиональный настрой?

АР: Я так понимаю, что это вечный спор о дионисийском и аполлоническом началах в искусстве. Скорее всего, их должно быть в равной степени. Пятьдесят на пятьдесят. К сожалению, второго у меня гораздо меньше, чем первого.

МВ: У вас есть и пейзажи, и натюрморты. То, что ложится на бумагу, – это вы так видите или так чувствуете?

АР: Ни то ни другое. Это как-то получается немного само собой. Сначала возникает одна форма, один цвет. Потом первая форма ведет за собой другую, цвет ведет другой цвет. И так далее.

МВ: Почти во всех ваших работах присутствует синий цвет – насыщенный, от темного до голубого. Он наполняет ваши пейзажи воздухом, стирает границы, звучит мотив бесконечности, а для зрителя создается легкость восприятия. А вот в натюрмортах сине-голубое присутствие наполняет предметы глубиной уже другой формы – в ней появляется конкретика, законченность и одновременно загадочность. Сине-голубой тон... Он несет в себе для вас какой-то значимый цветовой символ или это произвольная цветовая доминанта?

Красные цветы и гранаты

Натюрморт с цветами и красными рыбками

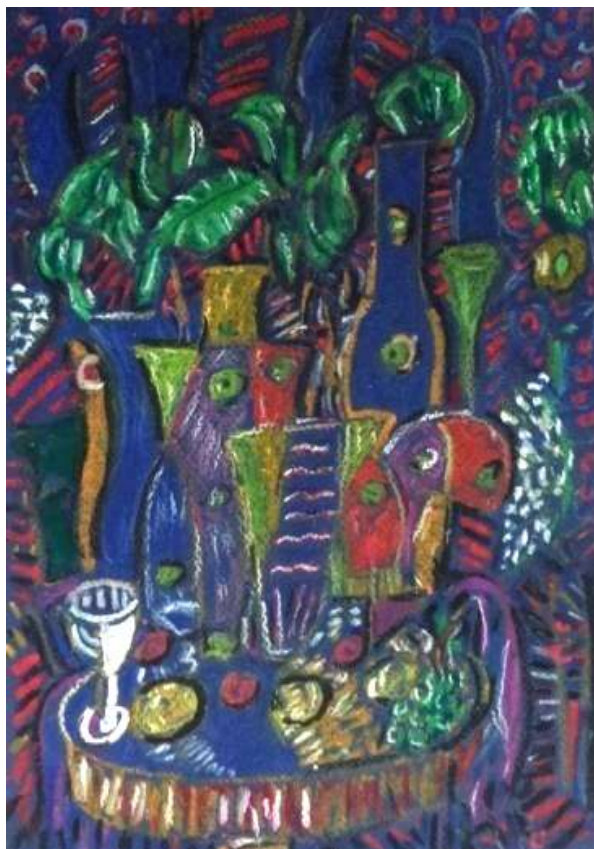
Московский BAZAR № 1 (31) 2020 г.

АР: Это непроизвольная цветовая доминанта. Но синий цвет действительно был всегда моим. Интересно, что рисовать мне удобней на темно-синем или черном фоне. Контраст темно-синего и, например, красного (на первом плане) создает интересную цветовую драматургию.

МВ: Мы знаем, что ваши работы выставлялись и в других местах. Вы планируете еще выставляться, и если да, то какое название было бы у вашей новой выставки?

АР: Лет шесть или семь назад у нас с Мариной Искандер была выставка в одной московской библиотеке. В этом – 2019 году – мы с Мариной выставлялись в библиотеке имени А. П. Платонова. А у меня была еще одна – в августе 2019-го. По одному весьма печальному поводу. В июле у меня умерла мама, и я решил сделать выставку ее памяти в хосписе, где она провела последние дни. С разрешения местного начальства. Будут ли выставки в следующем году? Возможно. О названии я еще не думал. Возможно, тоже что-нибудь из Р.-М. Рильке.

МВ: Александр, спасибо за интересную беседу! Думаю, нашим читателям было бы очень интересно посмотреть на ваши работы вживую, а поскольку, уверены, интрига уже создана, осталось лишь развесить ваши новые работы в нашей галерее в 2020 году! Приглашаем!

Александр Рассанов. Сновидение. 2018

ПРОЗА

Ян Кауфман

(МОССАЛИТ, Москва)

ЧУДОТВОРНОЕ НАДУВАТЕЛЬНОСТЬ

Пикареска

Жизнь скупца есть комедия,
в которой аплодируют последнему акту.

Жозеф Саньяль-Дюбе

Настроение пана Анджея, хозяина лавки, торгующей всякой снедью и мелочью, было отвратным. Мрачная дождливая погода и опустевшие улицы не предвещали наплыва желающих выпить чашку кофе с фирменными пирогами или прикупить сигарет.

– Холера ясна! – ругался он. – Ни одного посетителя, а уж скоро полдень. Когда же закончится этот проклятый дождь!

В проеме внезапно открывшейся входной двери появился мальчуган лет десяти со свалывшимися кудрями мокрых волос, большими голубыми глазами и курносый носом. Одет он был в грязные лохмотья. Сделав пару шагов в хлюпающих ботинках, мальчишка остановился в нерешительности...

– Пан! Ради бога, дайте хоть что-нибудь поесть. С тех пор как похоронил дедушку, у меня во рту и крошки хлеба не было.

– Чучело! Ты куда пришел? Здесь тебе что – богадельня, а я ксендз? Пошел вон! Я не обязан кормить всяких нищих проходимцев и убирать за ними. Вон сколько воды притащил за собой!

И правда, около двери образовалась вполне приличная лужа.

– Холера ясна! Ты куда пришел? – заорал дребезжащим голосом, нахохлившийся попугай Жак.

– Как у вас тут хорошо и вкусно пахнет, пан! Ну пожалуйста, хоть кусочек хлеба! А я вам оставлю в залог иконку, что дедушка мне подарил перед смертью. Через пару дней я вам верну деньги! Честное слово, дедушка запретил ее продавать. Он говорил, что она чудотворная.

– Зачем мне икона? – завопил Анджей. Но любопытство и жадность заставили его сменить тон. – Ну хорошо. А где твоя иконка?

Мальчишка достал из-за пазухи икону небольшого размера, завернутую в лоскут от старого плаща. Лавочник повертел икону в руках:

– Вот что, чучело! Так и быть. Я налью тебе чашку кофе и дам кусок пирога. Это все на два... нет, три злотых. Если до конца октября ты не вернешь мне эти деньги – икона останется у меня. Понял?

– Чучело, понял? – повторил Жак.

Чуть согревшись и моментально проглотив поставленную перед ним еду, мальчишка преобразился. Щеки его зарумянились, на губах появилось подобие улыбки благодарности...

– Я обязательно вернусь, вы не беспокойтесь, – успел проговорить он, проворно выскакивая на улицу под проливной дождь.

Глядя ему вслед, Анджей пробурчал себе под нос:

– С паршивой овцы хоть шерсти клок.

Он протер икону сухой салфеткой и стал соображать, куда бы ее пристроить. Затем поставил икону на самый верх старинного буфета, рядом с клеткой попугая. Жак недовольно покосился на новую молчаливую соседку и боком потопал по жердочке от нее подальше.

Анджей давно уже перестал быть ревностным католиком и в божественные чудеса не верил. Жизнь укрепила его веру в земное чудо – в богатство и деньги. И это превратило когда-то доброго юношу в озлобленного скрягу.

Уже более недели прошло с ухода мальчишки, но эта деревяшка, стоившая три злотых, не сильно волновала лавочника. Потеря невелика. Волновала обида. «Да прохвост мальчишка! Видать, меня надул», – злился он.

Но упоминание о некой «чудотворности» иконы заставило Анджея все-таки подумать о земных чудесах.

«Ладно, пускай постоит, – бурчал он себе под нос, глядя на иконку. – Мало ли! Чем черт не шутит! А вдруг что изменится и хорошее случится в жизни... Может, даже наследство какое свалится».

Наследство, однако, не спешило сваливаться, но кое-что меняться начало: дождь прекратился и солнечная золотая осень выгнала всех на улицу – и жителей, и покупателей... Одним словом, жизнь вместе с бизнесом налаживалась. Посетителей теперь было предостаточно, и Жак громко встречал гостей:

– Прошу до стола, панове! Какое пиво панове желают?

Анджей с трудом успевал всех обслуживать.

В один прекрасный день на обочине дороги остановился черный «мерседес». Двое элегантно одетых мужчин зашли в лавку и сели за столик. Их внимание, конечно, привлек доброжелательными приветствиями говорящий попугай.

– Пан! Прошу нам четыре бутылки «Зубра» из холодильника, – попросил один из них.

Они не спеша тянули пиво, поглядывая на Жака, и разговаривали о чем-то на незнакомом языке. Потом один обратился к лавочнику:

– Пан! Вы не покажете иконку, что стоит рядом с клеткой вашего очаровательного попугая? И чья она, эта икона?

– Панове! – отвечал Анджей, протягивая икону. – Иконка не моя, она какого-то оборванца, адрес которого я даже не знаю. Он мне ее всучил как задаток в три злотых за выпитый кофе с пирогами и обещал за ней прийти, как только достанет деньги. Но пока вот не появлялся.

Посетители внимательно рассматривали икону со всех сторон, смотрели на нее через лупу, о чем-то спорили. Из всего их разговора Анджей только и уловил: «Испания, Греция, шестнадцатый век, семнадцатый век». Затем тот, что был постарше, обратился к хозяину лавки:

– Видите ли, уважаемый пан! Эта старинная икона весьма дорогая и стоит больших денег. Я, как специалист по истории религии (кстати, вот моя визитка), мог бы дать за нее десять, даже пятнадцать тысяч злотых. Не буду от вас скрывать – если ее провести через аукцион, цена может подняться вдвое. Поэтому, мой друг, просьба: как только появится ваш оборванец, приходите срочно ко мне вместе, захватив икону. Мы в городе будем еще до конца недели. Если же ваш должник не появится вовсе, считайте, что вам повезло вдвойне – немедленно ко мне вместе с иконой.

Он протянул икону лавочнику.

У Анджея перехватило дыхание. Лицо, выдавая сильное волнение, покрылось красными пятнами. словно под гипнозом, он бережно взял икону, аккуратно завернул в чистое полотенце и положил, подальше от глаз, в нижний ящик буфета. Но в голове уже крутились какие-то бешеные цифры – три золотых превращались в тысячи золотых, а те, в свою очередь, в десятки тысяч. Глаза то и дело беспокойно останавливались на специалистах, открывших ему баснословную цену иконы.

– Спасибо за пиво, пан! Да вы не волнуйтесь! Считайте, что пара тысяч у вас уже в кармане. Как ваше имя, кстати?

– Зовите меня просто Анджей.

– Так мы в любом случае надеемся вас увидеть, пан Анджей! – раскланялись посетители, выходя из лавочки.

Прошло несколько дней после этого чудесного поворота с иконой, но мальчишка все не появлялся. Анджей не спал ночами, обдумывая все варианты, чтобы получить за икону не обещанные специалистами пару тысяч золотых, а хотя бы тысяч десять. А уж ежели аукцион, тогда вообще!

Но следующим утром, наш оборванец, такой же грязный, как и раньше, вбежал в лавочку, протягивая Анджею три золотых.

– Чучело! Холера ясна! – завопил радостно попугай.

– Жак, заткнись! – огрызнулся лавочник.

– Вот, пан, мой долг! – мальчишка протянул деньги. – Простите, что я не смог прибежать раньше... Бабушка тоже заболела, но так меня ругала, что я икону оставил вам в залог. Говорит, что она не только чудотворная, но и очень древняя. А где она, пан?

Бабушкино упоминание о древности иконы, начисто уничтожило даже мельчайшие сомнения лавочника в ее подлинности.

– Слушай, малыш, – начал убеждать оборванца лавочник, – ну что тебе дедушка! Ему ты уже не поможешь. Вот бабушка – другое дело, хотя тоже больна. Так ты лучше продай мне эту иконку, хоть какие-то деньги получишь и потратишь на бабушку, да и на себя. И бабушка будет довольна. А старики – они такие, во все верят. Ничего особенного в этой иконе нет. Простая деревяшка.

– Что вы, пан! Меня без этой иконы и домой не пустят. Что я скажу бабушке?

– Она же не животворная, раз дедушка так легко помер. Купи бабушке всего, что придумаешь. Пусть она кушает и поправляется. Я тебе целых пятьсот золотых за икону дам. И всем будет хорошо. И тебе, и бабушке с дедушкой, и мне. Неужели ты не понимаешь? – убеждал мальчишку лавочник.

– Нет уж, пан! Если я за дедушкой недосмотрел, так хоть за бабушкой постараюсь – накуплю ей всего, хороших врачей найму. Меньше трех тысяч я и не подумаю. Врачи сейчас ой как дорогие! А вам-то, пан, что от этого хорошего, для чего деньги зря расходовать?

«Ну, и что делать? – металось в голове лавочника. – Ведь дешевле не отдаст. Тот еще фрукт. А то и заберет икону, и тогда пиши пропало. Надо соглашаться».

– А мне Бог воздаст за добрые дела, малыш, – парировал Анджей.

– Ну, если так, пусть он вам побольше воздаст. Тогда добавьте еще одну тысячу – итого будет четыре тысячи золотых, и мы договорились. Так и быть, за четыре. Хотя мне дома так достанется от бабушки.

Анджей моментально просчитал, что за четыре тысячи он может получить у спецов все двенадцать, а то и значительно больше, если они выставят икону на аукцион.

Московский BAZAR № 1 (31) 2020 г.

В результате сделка состоялась и оборванец, сунув подмышку пачку денег, завернутую в тряпку, понуро опустив голову, поплелся на улицу.

Анджей торжествовал. Теперь икона его собственность! Мальчишку он обманул. Теперь основное – не продешевить сделку у спецов.

Дорогой читатель! Не буду долго рассказывать, что переживал пан Анджей всю ночь, какие чувства его одолевали и сколько планов и перспектив крутилось в голове.

Следующим утром Анджей, одетый в твидовый костюм и выглядевший превосходно, уложив бережно икону в кейс, выходил из магазина. На пороге он обратился к попугаю:

– Жак, пожелай Анджею удачи!

Попугай нахохлился и сказал:

– Чучело! Ты куда?

Но кто был способен в этот день испортить жизнерадостное настроение нашему лавочнику? Никто! Тем более Жак.

Осеннее утро было на удивление теплым и красочным. Солнечно-оранжевые цвета опавшей листвы, их яркость и неповторимость способствовали праздничному настроению лавочника, спешившему на встречу со специалистами.

А разве мог кто-то из проходящих рядом с Анджеем знать, что лежит в его кейсе, сколько там надежд и планов? Никто!

Лавочник торопился, но ему не терпелось поделиться хоть с кем-то своей радостью, а заодно уточнить цену иконы. Поэтому, проходя мимо костела, он заглянул туда:

– Святой отец! – обратился он к священнику. – Не могли бы вы сказать ориентировочную стоимость моей древней иконы?

Анджей вытащил из кейса икону и передал ее святому отцу. Тот, только взглянув на нее, с укором произнес:

– Брат! Вы напрасно решили меня проверить или подшутить надо мной. Такую икону вы можете заказать на любом католическом сайте в интернете. Ориентировочная ее стоимость двадцать, максимум тридцать злотых.

Лавочник приходил в себя минут десять. Работники костела принесли валидол и воду. Осознав, что его надули мошенники, Анджей бросился по указанному в визитке адресу.

Но, увы, таковых там не оказалось.

Послесловие

Читай эпиграф.

БЫЛОЕ и ДУМЫ

Ну, за встречу! Будь здоров, свояк! Давненько ты не был у нас. Давненько! Давай, нажимай на сало, небось, соскучился. Я его давеча малость подкоптил, а вот и лучок с картошечкой. Такого у вас нет – все натуральное. Да и самогон двойной перегонки с клюквой... Для себя ж делаем. Куда там ваша столичная!

Что рассказывать-то? За это время уж многих соседей не стало, а кто просто уехал в город, как вы с Любкой. Пустеет деревня. И выпить порой не с кем. Нехай бы только пустела, а то и глупеет. Вот и мы всей деревней лопухнулись.

Помнишь немого Фролова Кузьму, которого в деревне не шибко любили? Да и он, правда, никого особо не жаловал. А уж с тех пор как его глухонемая супружница Настя померла, совсем рехнулся. Бабы наши, с одной стороны, жалели его – а то! Потерять жену, с какой всю жизнь, с малства. А с другой – а мы-то причем? Знакомы они были с Настей еще с сиротского дома и прожили вместе лет сорок. Детей, правда, так и не нажили. Бабы любили им косточки перемыть. Вечером, когда все дела наспех поделают, собирались и балаболили про Фроловых. А о ком еще? Не о себе же! Вспоминали, что они еще с детства были такими нелюдимыми и скрытными. И для всех деревенских эта пара была – что бельмо на глазу: жадны, мол, ну сил нет! И то правда.

Бывало, какой праздник, вся деревня гуляет, кругом песни да пляски под гармонь, выпивка, закуски и все такое, а эти – в своем доме по хозяйству хлопчут. Казалось бы, на двоих, без детей, при пенсиях – что еще надо? Живи да радуйся! А они за высоченным забором вкалывают с утра до ночи. У их там и куры с утками, и поросся, и коза. Куда таку прорву?! А сад-то! И в охранниках – здоровущая собака, что понимала Фроловых без всяких слов.

Однажды местная ребятня набухалась сивухи и полезла сдуру на забор – поглазеть, что там у их есть. Так собака чуть всех не порвала. Ребята попрыгали оттедова, с забора, с кандибобером. Кто чего себе порвал и поломал.

Настя по воскресеньям, когда еще здорова была, с раннего утра прошмыгнет из дому с рюкзаком за спиной и тележкой с колесами на автобус – и в город. Видать, на базар.

Говорили, что у их там уже свои покупатели были. И задорого все брали. Даже огурцы ихова засола шли нарасхват, потому как шибко хрусткие получались. Чего они туда ложили, кто знает?

А наши бабы, сидя на завалинках, только и лужгали семечки да возмущались:

– Ну и Фроловы! Ну и жадны! Куда им столько денег! Ведь и Кузьма тоже мужик какой-то ненормальный, совсем непьющий. Может, из экономии?

Всем это, конечно, было интересно, но спросить про то боялись – какой спрос с инвалидов? Да и как их спросишь? А врагов себе наживешь!

Мужики, каких на всю деревню и так осталось два с половиной калеки, в эти разборки не влазили. У нас свои дела, ты ж понимаешь... Но опосля, как Насти не стало, и мы-то думали: «Ну, Кузьма таперича изменится, подобреет... Может, поближе прибудет к мужикам! Третьим будет и на закуску хрустких огурчиков притащит».

Ага, час! Как ходил сычом, так им и остался, да и здороваться с людьми стал кивком, не повернув башки.

Правда, когда у евонной соседки, фельдшерши Пелагеи помер муж, оставив ее с тремя детьми и недостроенной избой, Кузьма здорово подсобил и под конец крышу покрыл оцинковкой. А денег не взял. Но в город так и мотался по воскресеньям с рюкзаками да сумками, вместо покойной Насти.

Только всему приходит конец. Том годе захворал Кузьма и в два дня убрался... И скорая не помогла. А на следующий день понаехали из райцентра обратно скорая, милиция и заведующая детдомом Галкина, какая раньше схоронила его Настью.

Собаку милиция сразу забрала. Врачиха скорой осмотрела Кузьму, составила какой-то акт, и тело увезли в морг.

Бабы деревенские из любопытства толпой повалили во двор Фроловых. Милиция с понятами начала глядеть помещение. Я в понятае тоже попал. Беднота, я те скажу, не дай бог! Ни ковров каких. Даже телевизора в дому нет! Стол, пара табуреток, и вся мебель – самоделка. Сделаны, кажись, давно, но добротнo, путем! Видать, Кузьма сам сварганил. А чистота – что в

Московский BAZAR № 1 (31) 2020 г.

казарме! И на участке такой порядок, что наши бабы тока охали да ахали и удивлялись. Что курятник, что сарай козий, что свинарник – будто на выставке!

Но не это главное. Главное, что на столе лежал конверт и на ём рукою Кузьмы: «Галкиной Софье Андреевне, заведующей детским домом № 2». При милиции она вскрыла конверт и прочитала: «Дом и все хозяйственные строения на участке, вместе с садом и живностью, завещаю детскому дому № 2, что в Кирпичном переулке». А ниже приписка: «Даже глухие слышат детскую беду». И подпись: «Фролов Кузьма».

Вот тада заведующая и рассказала, что все эти годы Настя с Кузьмой постоянно помогали детдому сурьезными, так и сказала – сурьезными, денежными переводами и всякими продуктами. Вот тебе и ёшкин кот!

Лопухнулись мы так, что со стыда глядеть друг на друга не хотелось. Это ж надо, сколь напраслины гнали на Настю с Кузьмой! Потом цельный год все бабы ходили как немые. И даже лузгать семечки уже не садились вечерами. Отпала охота.

Похоронили Кузьму рядом с Настей. Много народу всякого пришло – с детского дома ребята и ихое начальство. Наши деревенские цветы принесли и скинулись на венок. Видать, совесть всех мучила.

С той поры дом в деревне и хозяйство Фроловых обернулось в подсобное детдомовское, и заведует им та же Пелагея, фельдшерша. Счас, правда, кто моложе – помогают ей по хозяйству.

Вот такая история, свояк. Ну, давай помянем Настю с Кузьмой. Ты ж их как-никак помнишь. Может, они хоть там нас слышат.

Огюст Ренуар. Фигуристы в Булонском лесу. 1868

ПРОЗА

Дмитрий Чарков
(Москва)

ТИГРЫ, МИШКИ, ТОПОЛЯ...

Когда «вертушка» зависает, разглядывая тебя выпуклыми глазищами и покачивая многоствольными пулеметами, ты невольно замираешь, замороженно пялясь в бездушные затонированные стекла. Пилоты проявляются, как изображения на полароиде, секундами позже. Но Митя слышал от старшего брата, что глаз их ты не видишь никогда – не потому, что они избегают прямого взгляда, а потому, что просто не успеваешь: эти люди смотрят вверх тебя, куда-то вдаль, ты инстинктивно сбрасываешь оцепенение, оглядываешься и тут вдруг падаешь, отброшенный чудовищной силой навзничь: кто-то из тех людей незаметно нажал на какую-то кнопку. И ты уже мертв.

Всего-то кнопка – не педаль даже...

– Вот уж довелось... снова отступить к Москве, – прохрипел дед Кирилл. Он сильно болел эти дни, почти не вставал с постели.

– Почему опять, деда?

– Да в сорок первом-то... – дед Кирилл закашлялся. – Ох ты ж, господи. Тьфу!.. Я примерно такой ж был, как Иса наш, вот мы драпали от фрицев...

– Да ну! Ты ж говорил, вы били их!

– Это в сорок четвертом били их да в сорок пятом... Били. И нас били. Так не свои же!

– Дед, а ты тоже федерал?

– Чего это вдруг я федерал? – откликнулся Кирилл Федорович, переворачиваясь на бок в своей постели.

– А папка мой – федерал?

– Аслан не федерал, уж точно. И мама Ира твоя тоже не федералка, уймись.

– Он в такой же форме на фотографиях, когда в армии служил, как и эти «федералы», – авторитетно заявил мальчик, кивнув неопределенно в сторону завешенного одеялом окна. – И твоя форма на войне тоже на их очень похожа. Там, где ты возле флага. На фотке той, помнишь?

– Помню, – тихо ответил дед.

Фоток больше не было. И кителя его армейского парадного тоже не было – как и не было их квартиры на втором этаже пятиэтажного дома на Фабричной в Грозном, в которой они с женой Галей прожили без малого четверть века.

Внук подсел на краешек кровати и заговорщически прошептал:

– Я тебе кое-что расскажу, по большому-большому секрету, только ты никому не говори, обещаешь?

Дед Кирилл молча кивнул.

– Нет, ты скажи «клянусь Аллахом».

Московский BAZAR № 1 (31) 2020 г.

– Я не знаю никакого Аллаха, Митька, и Иисуса тоже, – в ответ прошипел дед. – С чего я ими клясться-то буду?

– Так... порядок такой.

– Ладно, клянусь, – пробормотал Кирилл Федорович.

– Аллахом? – поднял брови Митя.

– И им, и Буддой, и Христом-богом, – заверил его дед.

– Перекрестись.

Перекрестился.

– Палец вверх подними. Да нет, указательный давай, не хлюзди – большой не пойдет! Дед поменял пальцы.

– Скажи сперва, ты видел на войне фрицев в вертолете? Чтобы вот так прямо перед тобой, как... лист перед травой.

Дед невесело усмехнулся.

– Фрицев-то видел, конечно.

– Нет, а вот чтобы лопасти перед носом: вжих-вжих, как из-под земли, вдруг? И пулеметы – настоящие, боевые, как... как змеи, пучком целым уставятся и смотрят, смотрят...

– В Отечественную не было еще вертолетов, Мить.

Тамерлан, как звал его отец, озадаченно посмотрел на старичка. Как так – не было вертолетов? «Ми-24» были всегда: двухглазые циклопы, один глаз над другим – побольше и пошире.

– У нас танки зато были, – продолжил Кирилл Федорович. – Ты же слышал про Курскую битву, про Рокоссовского, Гудериана? Я к инженерному батальону тогда приписан был, после контузии. Довелось столкнуться с фашистским «тигром» нос к носу. Он, представляешь, заплутал, видимо, от своих отбился и к нам прямо в тыл вышел.

– Да ну? Что он, баран, что ли, чтобы от своих отбиться? – засомневался Митя.

Тигр ему представлялся умным и вполне воспитанным хищником.

– Клянусь тебе всеми ими! – дед поднял глаза кверху, Митя за ним тоже.

– Представляешь, вытаскиваю из блиндажа корзину с провиантом, а он, «тигр» ихний – на-ка тебе! Как лист перед травой, ага: заворачивает с просеки прямо на нашу опушку.

– Так ты б с «калаша» его! Та-та-та-та-та! Загрызет же иначе, я знаю!

– А винтарь мой у поленницы прислонен остался. Да и проку-то стрелять: «тигровая» броня – там сотня тонн весу.

Про броню у тигра Митя ничего не знал: шкура – да, хорошая папаха могла бы выйти, он был уверен.

– А танк-то ваш где был?

– Наши все на Дуге уже стояли.

– Ну, деда, а из танка по тигру... Мокрое место – клочки по закоулочкам!

Кирилл Федорович засомневался: о том же самом ли «хищнике» они с внуком говорят?

– «Тигры» фрицевские крепкие были, – уверенно провозгласил дед, откидываясь на подушку. – Завернул он, значит, и встал. Понял, что к чужим угодил! И я встал, рот открыл.

– Ты б ему подкинул хлеба – он и ушел бы, сытый.

Дед опять привстал на локте:

– О! Моя кровь, хоть и в чеченских жилах! Верно ведь: я от неожиданности-то сперва выронил все, а потом схватил сверху краюху – да в него! Да второй, и третьей...

Митя захихикал тихонько.

– И не поверишь ведь: как дал фриц задний ход и мигом – фьюить! Только я его и видел. Сказывали потом, что он в речушке увяз там, рядом.

Мальчик, оглянувшись на дверь, тихо прошептал:

– Деда, а тебе страшно было? Испугался? Да?

Кирилл Федорович почесал бороду, глянул на внука и ответил:

– Да, Мить, очень страшно.

– А ты... это... нафурил в штаны?

Дед от неожиданности замер – уж не потешаться ли над ним вздумал этот шалопай черноглазый? Но парень выглядел серьезным и несколько настороженным.

– Ну, я ж на войне был. Мало ли чего там увидишь – так и портков не напасешься.

Мальчик тяжело вздохнул и отвернулся. Дед Кирилл насторожился:

– А ну-к, погоди, ты ж мне рассказать хотел что-то? Про «вертушку», небось? Давай, твоя очередь.

Митя немного помялся, потом выдал из себя:

– Я тоже так вот, нос к носу... с «мишкой».

Дед ахнул:

– Бурым?!

– Нет, – помотал головой мальчик, – с «двадцать четвертым».

Кирилл Федорович сообразил, что речь о «Ми-24»: его в Грозном узнавали все.

– Как так? Тебе ж отец запретил ходить со двора? А если брат узнает? Иса тебе голову оторвет сразу.

– Тс-с! – испуганно приложил палец к губам Тамерлан. – Не оторвет, а отрежет, между прочим. Но ты же поклялся не говорить!

– Поклялся, как же... Теперь ты мне клянись, что ни шагу впредь отсюда.

Митя перекрестился, затем направил указательный палец вверх, одновременно поклонившись и омыв ладонями лик свой, при этом пробормотав что-то под нос.

– За домом Муслима – у них, знаешь ведь, овражек такой, и забор кирпичный, красный.

– Ну?

– Я на минутку только: хотел добежать, поменять ему кассету «Рэмбо» на «Рокки» и сразу назад. Представляешь, только подбежал к воротам, а тут из-за забора, снизу из оврага – «мишка». Прямо на меня. И, как твой тигр: замер, будто сам меня испугался, понимаешь? А я... вот... в общем, штаны мои потом мокрые оказались. Деда, скажи: я теперь трус, значит?

В глазах мальчика Кирилл Федорович видел крошечное отражение мягко колышущегося пламени свечи, стоявшей тут же на столе. На миг даже показалось, что отражение как-то поплыло вниз в Митиных глазах, к длинным ресницам, и растаяло... Парень отвернулся, шмыгнув носом.

– Мить, честное ветеранское: это не имеет никакого отношения к храбрости...

– Но ты-то ведь тогда один на один с целым тигром оказался, и ничего – сам сказал!

Митя осекся, потому что где-то за окном послышался нарастающий свист.

Снаряд разорвался, наверно, в трех-пяти домах вниз по переулку. Митя резко прижал ладони к своим ушам и зажмурился, прошептав:

– Хоть бы не в Мусика, хоть бы не в Мусика, хоть бы не в...

Из прихожей они услышали твердый голос Аслана:

– Так! Все в подвал по лестнице, быстро! Ира, ты первая с Адамом – там внизу Иса поддержит. Тещ-щ-ща, вы где? Тамерлан?

Даже теперь дед Кирилл не мог не отметить про себя какой-то особой теплоты, прямо-таки шуршащей в голосе зятя, когда тот произносил слово «теща», и непроизвольно улыбнулся – ранее в своей жизни он не встречал ни у друзей, ни у знакомых такого бережного отношения к родне, особенно к женщинам.

Московский BAZAR № 1 (31) 2020 г.

Тамерлан подскочил на кровати, ринулся к дверям, потом резко замер и, обернувшись, спросил:

– Дед... ты?

– Давай, иди, иди, Митя, я тоже, я сейчас, – он осторожно приподнялся на постели и перенес ноги на пол.

Ох уж эта немощь, эта одышка, эта постоянная боль в груди. И это нескончаемое бегство. Ну, лишь бы его котелок не продырявился – не время сейчас, до Пятигорска бы дотянуть.

Кирилл Федорович выпрямился во весь рост и вдруг замер, пробормотав:

– Старый пень... надо было сказать ему! Конечно, надо было, вот я...

– Тесть мой, как вы тут? – на пороге появился зять.

Второй взрыв прогремел чуть дальше первого, но в той же стороне – значит, метили направленно в одну точку.

Аслан двумя шагами преодолел разделявшее их пространство и, аккуратно обхватив тестя спереди, приподняв, мелкими шажками доставил к подполу, в котором собралась уже вся семья – Ира, Галка, Иса...

Ту ночь они пережили, обошлось, лишь старый кот Джохар неподвижно лежал под сенью абрикосового деревца. Но он умер от старости, как заверил Митю потом отец.

А дед Кирилл умер в Пятигорске две недели спустя. Отступление к Москве совсем подорвало его силы, и в последние дни он находился между реальностью происходящего и какой-то другой, из своего далекого прошлого. Когда сознание ненадолго возвращалось к нему, он пытался что-то сказать Тамерлану, но Аллах лишил деда Кирилла дара речи после той ночи, когда не стало Джохара. Все, что у него получалось, это по-детски жалобно заглядывать в быстро повзрослевшие Митькины черты и нечленораздельно что-то мычать, немощно указывая на свои ноги. Все успокаивали его, пока Тамерлан не положил конец никому непонятной суете деда, прошептав ему на ухо лишь несколько слов:

– Дедуля, я услышал. Ты рассказал мне тогда не всю правду про то, как с «тигром» повстречался. Но ведь к храбрости это не имеет никакого отношения, я знаю, ты мне сам говорил, поэтому не переживай. Все будет хорошо, скоро приедем в Москву.

Кирилл Федорович благодарно ему кивнул и нервно улыбнулся, сжав костлявыми пальцами узкую ладонь внука. С тех пор его и отпустило.

А через три дня мальчик горько плакал на могиле деда в одиночестве, когда все уже вышли за ограду. Необычный блеск он видел и в глазах старшего брата, но Иса плакал молча, стиснув зубы. Адам же, самый младший, ревел во всю – и по поводу, и без. Хотя к настоящему мужеству ничто из этого не имело никакого отношения.

Посмотреть бы только вот еще в глаза тем, кто деда снова заставил воевать...

ОФОРМИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА

Он смотрел на мелькавшие за окном автомобиля постройки, запорошенные недавним снегопадом, и окна, в которых кое-где уже начинали включать освещение.

Темнело.

В салоне автомобиля было изрядно натоплено, и Виктор почувствовал, как футболка под его дедморозовской бархатной мантией на синтепоновой подстежке стала пропитываться потом.

– Серега, а нельзя ли убавить печку? – попросил он водителя.

Тот молча что-то повернул на приборной панели.

«Не хватало только сейчас выйти мокрым наружу и схватить пневмонию», – подумал Виктор, перекладывая свой «рабочий» посох в другую руку. Реквизит длиною был под метр семьдесят и в машину входил лишь по диагонали с пассажирского переднего сиденья, а потому путешествовать с ним было не ахти как удобно. Хорошо хоть мешок умещался в багажнике. Снегурочку бы еще туда упаковать...

– Серж, долго еще? – услышался ее голос рядом.

Галке было за тридцать, и врожденная статность и миловидность помогали ей удерживаться в «новогоднем» бизнесе уже несколько лет после того, как из него выпорхнула ее последняя коллега-ровесница. Но на заднем сидении с ней и с посохом было тесновато, а переднее пассажирское занимал электронно-технический реквизит, который в багажник не упакуешь.

– Навигатор показывает: сейчас, за этим поворотом, – ответил водитель.

Виктор впервые в своей дедморозовской карьере ехал на праздник в интернат для детей-сирот. Раньше это были всё больше частные садики, школы, иногда даже мелкие фирмы, а вот в детдоме бывать еще не приходилось.

С Галкой работать было легко – опытная, артистичная, двое своих малышей, – Виктор с ней словно наяву становился реальным Дедом Морозом: так она могла увлечь. Сразу все получалось, все само клеилось, даже импровизации не зависали. Но в жизни они не особо ладили. С другой стороны, и повода не было ладить-то: встретились, отрепетировали, разбежались; встретились, отработали, разошлись – чего им делить? «Оформите, пожалуйста!» – вот и всё. После отработанных часов Галка всегда спешила домой, часто за ней муж приезжал к последней адресной точке.

А Виктору сильно и спешить было некуда – семьи не было; при этом пить – так он не пил, курить – не курил, молчун-молчуном вне образа, стало быть, и повода задерживаться на работе для себя не видел. Нечисть дома была в зимней спячке, и за нее он не беспокоился. Пойти по гостям – да не к кому. И не с кем. Как-то не складывалось. Иногда ему казалось, что те роли, которые он играл на сцене в маленьком театре и в залах по коммерческим приглашениям, они и были его сутью, его многоликим «я». Глаза зрителей служили наградой, глазки Нечисти – признанием, а глазок в дверях – ожиданием, которое вот-вот грозило перерасти в вечное...

– Приехали! Парадный здесь. Не забудьте оформить.

Интерьер детского дома разительно отличался от тех, что он привык посещать по работе. В первое же мгновение в нос ударил запах: аромат кухни, где всегда готовили много. Вперемежку с запахом чистого белья. И каких-то лекарств. Этот запах странным образом его будто окутал и вызвал в памяти такой же примерно маленький коридорчик, лестницу с низкими перилами и маму, которая уговаривала: «Витя, ты уже взрослый и понимаешь, что когда дети болеют, их оставляют в изоляторе. Я после работы обязательно тебя заберу!» И он, совершенно не желающий ничего понимать, совершенно не желающий никаких изоляторов и никаких болезней, он просто хочет быть с мамой, дома. И поэтому гундосит сквозь сопли и слезы: «Мамочка, не уходи, ну пожалуйста, мамочка моя!»

– Виктор, чего встал? – вдруг вывел его из оцепенения голос сзади.

– А? Да-да, иду...

И здесь, в этом кирпичном теплом здании брежневских времен, было на удивление тихо: никто не бежал их встречать, никто не свешивался с перил крохотных межэтажных площадок, никто не спрашивал про подарки. На стенах висели детские рисунки – одни яркие и красочные, а другие хмурые и очень-очень-о-своем.

Но их ждали!

Галина, по традиции, начинала первой. Здесь они должны были отработать по несколько сокращенной, бюджетной на их сленге, программе, поэтому Виктор просто постоял несколько минут за дверью, прислонившись к чисто выкрашенной голубой стене, с трепетом вдыхая давно забытый запах советских яслей. А когда настал его черед появиться, был удивлен внутренней теплотой, царившей по ту сторону двери.

В просторном и по-праздничному убранном зале стояла невысокая, но со вкусом наряженная елочка: без излишеств, с минимумом необходимой мишуры, переливающаяся веселыми огоньками. Дети сидели на стульчиках и в креслах вдоль двух разрисованных снежинками стен и дружно захлопали при его появлении. Вначале он никак не мог сообразить, что же выбивалось из общего привычного фона, и с воодушевлением наслаждался ролью доброго и заботливого Деда Мороза. Детские глаза, как обычно, были полны простодушного восторга. Ребята так же дружно водили хоровод, прыгали, смеялись – лишь возраст был у не всех одинаковый, но и это в их специфичной дедморозовской среде считалось нормальным, при обилии-то частных «урезанных» садиков. Только к концу представления его осенило – резко, неожиданно, он даже запнулся на какой-то фразе, но при профессиональной поддержке Снегурочки это вышло не то чтобы незаметно, а вполне в тему и очень забавно.

В этом зале не было искренне улыбающихся, слегка озабоченных успехом каждого из маленьких участников лиц.

Дед Мороз готов был вскричать размеренным речитативом: «А-где-же-ва-ши-ро-ди-те-ли?! Ну-ка-да-вай-те-ка-мы-их...» Но вовремя осекся и выкрутился, заменив фразу какой-то... ничего не значащей... в этой... игровой ситуации... репликой.

Позже, сидя в детской раздевалке на низкой скамеечке посреди деревянных, покрытых светлым лаком кабинок и переводя дух, он вспомнил и этот эпизод, и восхищенный взгляд Галины, который, казалось, говорил: «Браво, маэстро! Браво, ты гений!»

Ребят после представления увлекли в столовую, Галка пошла оформлять акты в директорский кабинет, а он, движимый непонятной и жгучей до слез ностальгией, заскочил в эту пропитанную детскими надеждами комнатуху и сидел, рассматривая сиротливо выставленные для чьего-то обозрения поделки: пластилиновую лепку, комбинированные натюрморты, наклейки, раскраски.

Неожиданно в одной из кабинок что-то зашуршало, и дверца медленно приотворилась. Сквозь образовавшуюся щель Виктор различил маленький нос и блестящий глаз, пылливо уставившийся на него.

Борода, парик и шапка Деда Мороза лежали рядом на скамеечке, посох с мешком еще раньше унес в машину Сергей. Глаз словно в одно мгновение воспринял, оценил и передал по назначению всю эту информацию, потому что тут же последовал результат анализа в виде констатации:

– А я же знал, что ты не Дед Мороз.

Виктор понял, что самое глупое, что он мог сейчас сделать, так это нахлобучить назад реквизит и прикинуться, что так и было задумано. Поэтому он просто почесал вспотевшие под париком свои настоящие и только начавшие сесть на висках волосы и ответил:

– А на кого я тогда похож?

Дверца медленно отворилась, из кабинки появился мальчик – маленький. Судя по правильной речи из щелочки, Виктор почему-то ожидал увидеть кого-нибудь повзрослее. Или, по крайней мере, повыше ростом. А мальчик будто бы и ненамного был крупнее домашней Нечисти Виктора, которая, как и все черепахи, казалось, постоянно занимала все свободное пространство в квартире.

Московский BAZAR № 1 (31) 2020 г.

– Ты похож на моего папу, – сказал «черепашонок», неподвижно стоя в трех шагах от несостоявшегося на сей раз Деда Мороза.

Виктор замер. Он не мигая глядел малышу в глаза и будто погружался в пучину невысказанных пожеланий, неподаренных трансформеров и вечного ожидания, такого знакомого и беспощадного. Как прозрачный кружочек на входной двери его квартиры.

Вдруг малыш засуетился: он вскочил на лавочку, достал с крыши одной из кабинок пластилиновое чудовище и затараторил:

– Ты знаешь, это трицератопс, они обитали в мезозое, я его недавно только слепил – представляешь, у них по три рога на морде были, и костяной воротник из шеи торчал! А еще они воевали с тираннозаврами – это были са-мы-е-пре-са-мы-е в мире хищные динозавры! А трицератопсы питались только травой и листьями с кустарников – ну откуда у них взяться мускулам-то? Но все равно они стойко переносили наскоки хищников и оборонялись, как могли, а часто даже побеждали...

Ребенок говорил и говорил, словно опасаясь, что его остановят и это разрушит возникшую на мгновение простодушную детскую иллюзию. Виктор видел, что на самом деле малышу, наверно, некому было поведать удивительную историю о динозаврах – все уже слышали ее сотни раз. И еще ему, наверно, хотелось передать, что этот запах, переполнивший Деда Мороза давно забытыми ощущениями и переживаниями, в реальности совсем не настоящий, не домашний, а казенный, пропитанный тоской и повторяющийся изо дня в день...

– ...ты меня слышишь?

– Да. Да, слышу... Откуда ты узнал?

Мальчик наконец посмотрел на взрослого прямо и открыто, помолчал немного и сказал:

– Я тебя уже пятый новый год здесь жду. Кем же ты еще можешь быть?

Виктор закрыл лицо руками, но тут же опустил их, и тихо произнес:

– А я все дорогу искал и никак не мог найти.

Мальчик еще постоял мгновение, затем нерешительно сделал шаг в его сторону, потом другой. Виктор как-то неуклюже раскрыл руки, и ребенок, бережно поставив свое изделие на скамейку, доверчиво прижался к его бархатной красной мантии, обхватив ручками за шею:

– Я тоже недавно заблудился. Тут, в интернате. Но это не страшно. Я знал, что ты придешь. Уже не страшно.

Виктор сильнее прижал к себе малыша.

Где-то открылась дверь, и до них донесся свежий, ни с чем не сравнимый аромат новогодней елки, смешанный с запахом мандариновой кожуры.

Детские мечты – они сбываются. Обязательно. Даже если кто-то давно перестал быть ребенком, но сохранил их в себе. Если верить хотя бы в это, то жизнь вдруг окажется не такой уж и пластилиновой.

– Я познакомлю тебя со своей черепахой.

– О, а ты знаешь, что они еще древнее, чем динозавры?

– Да ладно!

– Ну может, ровесники, но ведь они *до сих пор живы!*

– Это точно, еще как живы! Не верь, если кто-то скажет, что они медлительные: моя Нечисть – так ее зовут, хм! – всегда оказывается впереди меня и на кухне, и в туалете, и даже в ванной, представляешь! Всегда под ногами!

– А правда, что у нее красные уши?

– Надо бы приглядеться...

– А правда, что она зимой спит?

– Не проблема – к ней всегда постучаться можно: дверь-то круглый год у нее на спине!

Московский BAZAR № 1 (31) 2020 г.

- И она проснется?
- Было бы неприлично не поздороваться с новым хозяином, как считаешь?
- А... правда?..

В проеме двери мелькнула высокая фигура Галины, затем Виктор услышал ее удаляющийся вниз по лестнице голос:

- Я все оформила!
- Он крикнул ей вслед:
- Классно! Теперь моя очередь!

Взявшись за руки, они с малышом двинулись в сторону директорского кабинета.

– Ты думаешь, панцирь черепахи сохранился в том же виде, что и был в мезозое? Как воротник цератопсов?

– Мне кажется, что он стал даже еще более прочным – сколько им пришлось пережить за все это время!

- Закалился, что ли?
- Типа того, ага... А ты закаляешься?
- Конечно! Каждое утро влажные обтирания махровой рукавичкой. А ты?
- Я-то? Да вот как-то, знаешь...

– Ничего, я тебя научу, это не страшно! У тебя же найдется махровая рукавичка? Ну или полотенце сойдет, на крайний случай...

Новогодняя елка щедро дарила свой свежий и ни с чем не сравнимый аромат – запах скрытых надежд и загаданных добрых желаний.

Клод Моне. Снег в Лимец-Виле

ПРОЗА

Владислав Кураш

(Украина)

НАШ ЧЕЛОВЕК В ВАРШАВЕ

12. Узнал я, что нет для них ничего лучшего, как веселиться и делать доброе в жизни своей.

13. И если какой человек ест и пьет, и видит доброе во всяком труде своем, то это – дар Божий.

17. И сказал я в сердце своем: «Праведного и нечестивого будет судить Бог; потому что время для всякой вещи и суд над всяким делом там».

22. И так увидел я, что нет ничего лучше, как наслаждаться человекуделами своими: потому что это – доля его.

Ветхий Завет. Книга Екклесиаста, или Проповедника. Глава 3

Был самый обычный будничный день. То ли вторник, то ли среда. Не важно. Он проснулся, по привычке, где-то около восьми. Застелил постель, открыл шторы и вышел на балкон. Несмотря на раннее время, было уже очень жарко. Пылающее восходящее солнце висело над самой Шченшливицкой гурой. С балкона открывался прекрасный вид на Шченшливицкий форт, парк и озера. Вдали за горой виднелись похожий на огромный глобус купол Blue Cite, сверкающие на солнце неоновые верхушки небоскребов, острый шпиль Дворца культуры.

Болезненно щурясь на солнце, он вернулся назад в комнату и включил настольный вентилятор. В комнате было душно. Пять минут упражнений с гантелями. Пять минут боя с тенью. Отжимания от пола. После этого стакан апельсинового сока и освежающий прохладный душ.

Выйдя из душа, он приготовил себе завтрак: яичницу из четырех яиц с поджаренной колбасой, салат из свежих овощей. И заварил чашку кофе. За завтраком он раскрыл свою записную книжку и сосредоточился на ее содержимом. Закончив, быстро собрался. Надел джинсы и свежую, хорошо выглаженную рубашку. На руку – дорогие часы. Взял сумку, ключи от машины, мобильный, обулся в прихожей и, закрыв за собой дверь на ключ, вышел из квартиры.

Его старенький «рено» стоял на паркинге под домом. Он завел машину, дал двигателю несколько минут прогреться и поехал в сторону Иерусалимских Аллей. На Иерусалимских Аллеях влился в бесконечный поток автомобилей, движущихся в направлении Центрума. На рондо Зесланьцюв Сыбэрыйських свернул на аллею Прымаса Тышонцлэча. Возле парка Мочыдло свернул на Гурчевскую и припарковался у обочины неподалеку от улицы Дэотымы.

Заглушив двигатель, он посмотрел на часы. Было начало десятого. Потом достал телефон и позвонил. В трубке раздался мужской голос.

– Привет, – сказал он в трубку.

– Привет, – раздалось в ответ.

Московский BAZAR № 1 (31) 2020 г.

- Ты где?
- На концерте сижу.
- Отлично. Не опоздал?
- На полчаса раньше приехал.
- Хорошо. Что-то интересное было?
- Пока нет.
- Ладно, постараюсь скоро подъехать.

После разговора он достал из сумки черную спортивную мастерку и бейсболку, надел их, из бокового кармана сумки извлек два ключа на колечке с брелоком-биркой, промаркированным цифрой «1», начатую пачку крекерного печенья, откуда взял только одну печенюшку, ключи и печенюшку положил в карман мастерки, закрыл машину и пошел парком в сторону Дзотымы. На светофоре перешел через дорогу и нырнул во дворы.

Оказавшись возле подъезда одного из домов, он на мгновение замер, осмотрелся по сторонам, не заметив ничего подозрительного, быстро достал из кармана ключи, открыл дверь и исчез в подъезде. В подъезде было прохладно и тихо. Он поднялся по ступенькам на третий этаж, прошел по этажу в конец коридора, у последней двери присел и приподнял придверный коврик. Под ковриком лежала точно такая же печенюшка, как и у него в кармане. Он взял печенюшку, покрутил в руке и положил назад под коврик. Двигаясь быстро и тихо, вышел из подъезда и той же дорогой вернулся к машине.

В машине достал из сумки свою записную книжку и сделал в ней несколько записей. Потом завелся и поехал по Гурчевской. Свернул на Повстаньцюв Шленьских. Доехал до Вроцлавской и там, возле магазина, оставил машину, на этот раз захватив с собой только коробку спичек.

Он перешел через дорогу и повернул на улицу Зевса. По пути взял из коробки спичку, переломил ее пополам, одну половину выбросил, а от другой ногтем отщипнул тонкую щепочку. С обеих сторон улица была застроена великолепными красавцами особняками.

Возле одного из них он остановился и о чем-то задумался. По крайней мере, так это выглядело со стороны. На самом же деле он внимательно осматривал калитку во двор особняка, при этом нервно крутя коробку спичек в руке.

Неуклюжим движением он выронил спички и нагнулся, чтобы поднять их. И в этот момент, одной рукой поднимая спички, другой незаметно воткнул щепочку между калиткой и опорной стойкой. Подняв спички и отряхнув их от пыли, он как ни в чем не бывало пошел дальше.

К машине вернулся по другой улице, чтобы не привлекать внимания, и оттуда поехал на Жолибож, где с точностью до мелочей, как и на улице Дзотымы, проделал те же самые манипуляции с придверным ковриком и печенюшкой у двери в жилом доме по улице Юлиана Адольфа Швенцицкого. Только на этот раз, чтобы проникнуть в подъезд, он воспользовался ключом с брелоком-биркой, промаркированным цифрой «2».

С Жолибожа он поехал через Гданьский мост на Торгувек. С Торгувка на Прагу, с Праги через мост Понятовского на Повишле, с Повишле на Мокотув. И везде, где бывал, он проделывал все то же самое, используя спички, печенье и ключи, и каждый раз что-то записывал себе в блокнот.

Когда он закончил на Мокотове, было уже полдвенадцатого и стояла невыносимая жара. Он снял бейсболку и мастерку и поехал на Краковскую аллею, в торговый центр Łopuszańska 22.

Припарковавшись на стоянке возле торгового центра, он отыскал глазами среди многочисленных авто хорошо знакомый темно-серый «опель» и, выйдя из машины, направился к нему.

Московский BAZAR № 1 (31) 2020 г.

- Привет, Марек, – сказал он, садясь в «опель».
 - Привет, Джешю, – обрадовался его появлению тот, что сидел в «опеле».
 - Рассказывай, что тут у тебя.
 - Пока все тихо.
 - Понятно.
 - Я уже жрать хочу.
 - Так сходи, купи себе что-нибудь.
 - У меня денег нет. Дай хотя бы десятку.
 - Ты еще не заработал.
 - Будь человеком, дай в долг, прошу тебя.
 - Я в долг не даю.
 - Мне что, тут с голоду сдохнуть?! Ищи себе тогда другого соглядатая.
 - Да пошутил я, держи.
 - О! Это другое дело, – образовался Марек.
 - Значит, так. Банк работает с девяти до шести. С девяти до шести глаз не спускать со входа. Ясно?
 - Да ясно, ясно. Только это и делаю.
 - Правильно. Я тебе за это плачу. Повторю еще раз, на всякий случай. Вдруг ты чего-то не понял. Прежде всего меня интересуют инкассаторские машины. Как часто они приезжают. В какие дни и в какое время. Постарайся рассмотреть, сколько в машине человек. Сколько человек идет в банк. Как вооружены. Где паркуют машину. Привозят или забирают деньги. Засеки, сколько времени находятся внутри банка. И главное, не светись, там у них везде камеры.
 - Сколько можно мне это повторять. Я прекрасно все понял с первого раза.
 - Ты не возмущайся, а слушай. И будь внимателен. Я не хочу, чтобы из-за нас с тобой пострадали люди и, соответственно, моя репутация. От этой работы в итоге будет зависеть все. И наш заработок в том числе. Так что постарайся.
 - Ладно, постараюсь.
 - Ну вот и отлично. Сходи в магазин, купи себе что-нибудь поесть. Только быстро. И глаз не спускай с банка.
- Попрощавшись с Марekom, он вернулся в свою машину и поехал на Мокотовское поле. Там у него была назначена встреча с Моникой. Когда он приехал, Моника была уже на месте и ждала его. Он махнул ей рукой, и она села к нему в машину.
- Привет, Петрушь, – поздоровалась с ним Моника. – Только давай быстро, я опаздываю на работу.
 - Привет. Что там у тебя?
- Моника полезла в сумочку и достала оттуда жменю ключей.
- Значит, так, – сказала она. – Эти проверила, открывают. А вот эти доработаешь, что то там заедает. И вот еще. – Моника извлекла из сумочки несколько кусков пластилина. – Все отпечатки пронумерованы, разберешься. Адреса квартир скину на имейл.
- Моника достала из сумочки еще несколько ключей.
- Эти пускай пока полежат. Я еще там убираю. Когда можно будет, я тебе сообщу.
 - Договорились.
 - Ладно, давай деньги, да я побежала.
- Он достал бумажник и отсчитал ей несколько зеленых сотенных купюр.
- Остальное – как договаривались.
- Моника пересчитала деньги и сунула их в сумочку.

– Я тебе позвоню. Если поменяешь номер, скинь по имейлу. Все, я побежала. Пока.

– Пока.

С Мокотовского поля он поехал на Урсус, в ювелирный магазин, который находился на улице Богатерув Варшавы. На входе в магазин его встретил охранник.

– День добрый, – вежливо поздоровался он с охранником.

– День добрый, – дружелюбно улыбнулся ему в ответ охранник.

Он был в форме охранного агентства Glok. На боку у охранника висела кобура с пистолетом. Это не укрылось от его пытливого взгляда. Кроме того, он сфокусировал внимание на датчиках открытия на входных дверях и на окнах, и на модульной камере в левом дальнем углу над прилавком, которую он не заметил во время прошлого посещения магазина.

В магазине посетителей не было. Он направился к прилавку. У прилавка стояла продавщица.

– День добрый, – приветливо поздоровалась она.

– День добрый, – приветливо поздоровался он с продавщицей.

– Чем могу вам помочь?

– В прошлый раз я купил у вас вот эти серебряные запонки, – он поднял руку и показал продавщице запонку. – Пани, конечно же, меня не помнит.

– Почему же! Я хорошо вас помню. И помню те запонки, которые вы купили.

Продавщице на вид было лет двадцать – двадцать пять. Она была белокурой и симпатичной.

– Вот и отлично! – неподдельно обрадовался он. – Я хотел бы подобрать себе цепочку и какой-нибудь медальон под эти запонки.

Охранник сделал круг по торговому залу, зашел за прилавок и, приложив электронный ключ к замку, исчез за бронированной дверью в пультовой. Рядом с дверью в пультовую была вторая точно такая же бронированная дверь с электронным замком.

Должно быть, хранилище, мелькнуло у него в голове.

– Попрошу вас к этой витрине, – мелодично пропела продавщица. – Какое плетение предпочитаете? Бисмарк, сингапур, якорное или панцирное?

– Знаете, я в плетениях не особо разбираюсь, – наивно ответил он. – Хотелось бы, чтобы было неброско и элегантно. Полностью доверяюсь вашему вкусу.

– Тогда предложу вам эту, эту, эту и эту на выбор, – продавщица открыла витрину электронной таблеткой и достала оттуда четыре цепочки. – Предлагаю примерить перед зеркалом.

На стеклах витрины были датчики сигнализации.

Он повернулся к зеркалу, которое висело на стене возле витрины, и по очереди примерил все цепочки.

– Пожалуй, эта мне нравится больше всего.

– Отличный выбор, – согласилась продавщица.

– Только хотелось бы, чтобы была немного длиннее.

Продавщица посмотрела на бирке размер и достала из витрины цепочку на размер больше. Он примерил цепочку и остался доволен.

– Теперь давайте подберем медальон, – предложил он.

Витрина с медальонами точно так же открывалась электронной таблеткой и была оборудована датчиками сигнализации.

Выбрав медальон, он расплатился в кассе за покупки и вышел из магазина. В машине он достал из сумки блокнот, открыл его на той странице, где была начерчена только одному ему понятная схема, что-то там дорисовал и сделал под схемой несколько записей.

Московский BAZAR № 1 (31) 2020 г.

Зазвонил телефон. В трубке раздался сонный голос:

- Нужно встретиться.
- На том же месте через двадцать минут.
- Прекрасно.

Местом встречи была «Аркадия». Он приехал на пять минут раньше и сел на лавочке возле фонтана.

Михал никогда не опаздывал. И на этот раз он пришел точно в назначенное время.

- Привет, Патрик, – поздоровался с ним Михал.
- Привет, – поздоровался он с Михалом. – Как дела на любовном фронте?
- С переменным успехом, – ответил Михал и сел рядом на лавочке.
- Как Мажена?
- С ней быстро не получится. Слишком хорошо воспитана.
- Кстати, я ее сегодня видел, заезжал к ней в магазин.
- Мне нужны деньги.
- Зачем на этот раз?
- Пригласил Мажену на свидание. Сходим в киношку, потом посидим в баре, домой на такси.

- Сколько?
- Злотых триста, не меньше.
- Ого, так с тобой у меня никаких заработков не будет.
- Как хочешь. Я не напрашивался. Ты сам предложил мне эту работу.
- Ладно, ладно. Лучше тебя никто этого не сделает.

Он достал кошелек и отсчитал Михалу четыре сотенные купюры.

- Что-то интересное о магазине узнал?
- Пока, нет, – сказал Михал, пряча в карман деньги. – Еще рано на такие темы разговоры заводить. Боюсь пташку спугнуть.
- Ты там играй, играй, да не заигрывайся. А то еще, чего доброго, влюбишься.
- Тебе результат нужен?
- Конечно нужен. Это главное.
- Тогда жди. Я, кажется, тебя еще ни разу не подводил.
- Потому к тебе и обращаюсь. Лучше расскажи, вы уже целовались?
- Я же тебе говорю, она слишком хорошо воспитана. Придется немного подождать. Всему свое время.

– Подождать так подождать. Подождем. Надеюсь, за любовными играми ты не забыл о том, что тебе нужно сделать.

– Не забыл. Прежде всего все разузнать о тревожных кнопках. Сколько их в магазине, и где они находятся. И об электронных замках в пультовую и хранилище. Кто имеет право доступа туда, и у кого есть электронные ключи от этих замков.

- Правильно.
- Ты только не торопи.
- Время еще есть, – пауза. – Ладно, понадоблюсь, наберешь. Не прощаемся.

Было уже около шести – время вечернего объезда. Он решил начать с Жолибoja, так как Жолибож был ближе всего к «Аркадии».

По дороге ему позвонил Дамьян и назначил встречу в Зарієскіє на Пивной. Он развернул машину и направился на Старувку.

Московский BAZAR № 1 (31) 2020 г.

Ресторан, как и всегда в это время, был битком набит людьми. С кухни приятно пахло. Их столик был заранее зарезервирован, поэтому не пришлось долго ждать в очереди под рестораном. Дамьян сделал заказ официанту и сразу же рассчитался.

– Рад тебя видеть, старина, – сказал ему Дамьян, когда они остались одни. – Давненько не виделись. Что у тебя нового? Как там мои заказы?

– Работаем, думаю, к концу месяца будет результат.

Дамьян достал из-под стола небольшой кожаный кейс и передал ему.

– Это оплата за два предыдущих заказа.

Он взял кейс и положил его на свободный стул возле себя. Принесли вино и воду. Дамьян налил, и они выпили.

– За плодотворное сотрудничество и за удачу, – сказал Дамьян перед тем, как выпить.

– Удача нам никогда не помешает, – согласился он с Дамьяном.

Принесли еду. Дамьян налил еще, и они снова выпили.

– Есть отработанная квартира, – сказал он Дамьяну, беря вилку и нож. – Хозяева на выезде. Будут не скоро. В квартире много драгоценностей, и всегда хранятся большие суммы денег.

– Беру. У меня как раз и исполнитель подходящий имеется. Неместный.

– Ключи у меня с собой, в машине лежат. А информацию и инструкции завтра по электронке получишь. Расчет – как обычно.

– Окейно.

Они засиделись до позднего вечера и только в десять разъехались по домам.

Вечерний город купался в мягком свете иллюминации, витрин и рекламных вывесок. Дневная жара сменилась свежестью и прохладой. Город затихал и погружался в дрему. Над головой раскинулся чарующий шатер звездного неба.

Он оставил машину на паркинге и, взяв сумку и кейс с деньгами, пошел через двор к дому.

– Закурить не найдется? – раздалось из темноты.

Он машинально повернулся на голос и в темноте увидел три черных силуэта. Вслед за вопросом последовал сильный удар. Чудом увернувшись, хорошо отработанным движением он нанес ответный удар в темноту. Раздался глухой звук и ругань.

В этот момент где-то недалеко завывала полицейская сирена. Силуэты тут же растворились в темноте. Не дожидаясь появления полиции, он тоже поторопился исчезнуть.

Дома он первым делом налил себе стакан виски и выпил. Его трясло. Он не знал, что и думать. Ведь у него в кейсе была приличная сумма. Сердце разрывалось в груди. Он был сам не свой. В голову лезли дурные мысли. Алкоголь подействовал быстро, и он начал приходить в себя. Окончательно успокоившись, он вспомнил, что собирался позвонить маме, но было уже слишком поздно и он решил позвонить завтра.

Он принял душ и лег спать. Но уснуть долго не получалось. Он долго ворочался в постели. А когда уснул, было уже глубоко за полночь. Всю ночь ему снились какие-то кошмары. Всю ночь он от кого-то отбивался и удирал. А утром проснулся с мыслью, что что-то в жизни не так и что-то надо менять. Но что, он пока еще не понимал.

С этой мыслью он прожил весь день. А вечером, когда позвонил маме и услышал ее голос, в нем словно шевельнулось что-то непонятное, смутное, детское, тоскливое. И он решил на несколько дней оставить все дела и уехать к ней. Но и этого оказалось недостаточно, чтобы понять самого себя.

Пройдет еще не один десяток лет, прежде чем он разберется в себе и научится отделять зерна от плевел.

ПРОЗА

Константин Евдокимов

(Камышин, Волгоградская обл.)

ОДНАЖДЫ В ДЕРЕВНЕ

1954-й год, лето, деревня. Мой старший брат Валентин, первенец в семье и баловень судьбы, легко окончивший среднюю школу, а затем военное авиационное училище, приехал на родину в первый свой отпуск. С ним молодая жена Галя, по обличью из причерноморских степей, – красавица и, как выяснилось, певунья. Они приехали несколько дней назад, и радость от встречи с папой, мамой, братьями и сестрами, а также с друзьями еще переполняла их, выплескивалась наружу непринужденным смехом, шутками, улыбками. А сегодня афиша на столбе сообщала, что в Мошкове, соседней деревне, будет кино, – конечно, надо сходить.

Кино в то нетелевизионное время было заметным событием жизни, в деревне особенно, да еще в новеньком, недавно открытом клубе. Клуб в Мошкове открыли два года назад, и о нем хочется сказать особо. Каменный, с двумя колоннами при входе, одноэтажный, на косогоре окраины деревни, он легко вписался в окружающий ландшафт, и казалось, что был он тут всегда. Был он не мал и не велик, а, как я сейчас понимаю, где-то на семьдесят-восемьдесят зрительских мест. При многолюдной деревне тех лет клуба хватало, однако, на всю округу.

Внутреннее оформление его запомнилось мне картинами. Картины были настоящие, писанные маслом на холсте. В фойе справа, над окнами, висели портреты академиков сельскохозяйственных наук во главе с Тимирязевым и всесильным тогда Лысенко. Зрительный зал, можно сказать, образовывали четыре картины: справа колхозное стадо во время обеденной дойки коров, с льющимся из ведра во флягу аппетитным парным молоком, а слева Ленин беседует с Горьким на открытой веранде – при двух стаканах чая и вкусных сухариках на столе. Впереди обрамляли сцену с экраном вертикальные узкие картины: справа старые ели вдоль болотистой мшистой колеи от телег – при луне и в немного жутковатом сине-зеленом свете. А слева такая же, но с весенним пейзажем конца апреля, с нежной зеленью березок и тоже с тележной колеей, но просыхающей и надежной.

Художник, видимо, был талантлив и сумел передать свои чувства зрителям. С тех пор прошло шестьдесят лет, а картины эти я помню до сих пор. Были в клубе еще бильярд со стальными шарами, библиотека и необходимые комнаты для театрального реквизита. Вспоминаю все это, и невольно в голову приходит мысль: думали тогда руководители страны, и конкретно Сталин, о душе народа и деньги на культуру находили, хотя война была почти вчера.

Но я отвлекся, вернемся к нашему герою. Вот он, в парадно-выходной форме морского офицера, при кортике у левого бедра, входит в фойе со своей очаровательной женой, в окружении друзей. Все смолкают, все ведут наблюдение. Женщин интересует больше всего Галя, ее наряд, туфельки точеные – под стать ее фигуре. А на Валентина чего глядеть-то? Хорош, конечно, но ведь уже в узде. А мужчины не сводят глаз с кортика, особенно молодые парни. Оружие всегда волнует мужскую душу, рука так и тянется к нему, а тут такое роскошное и в

Московский BAZAR № 1 (31) 2020 г.

такой близости. Так хочется его поддержать, ощутить твердь рукоятки, взглянуть на грозный блеск стали.

Надо сказать, в те времена сельские парни дрались деревня на деревню. Мы, соловьевские, постоянно враждовали с ишутинскими, те, в свою очередь, с кряжевскими и так далее. Дрались лихо, но без ножей и кастетов, и удары ногой не приветствовались. Лежачих тоже не били. Были такие неписанные правила.

В тот вечер шел, как сейчас помню, «Георгий Сакадзе» – про мужественную войну грузинского народа против поработителей. И главными аргументами в фильме были мечи и кинжалы. По окончании сеанса все вышли в фойе, и зрительный зал стали освобождать от стульев для танцев. После кино обязательно были танцы под радиолу или баян, если был баянист. Все разборки, то есть драки, парни обычно устраивали на улице, после танцев, когда взрослые все уже дома и никто, кроме девчат, не мешает.

Но на этот раз ишутинские без видимой причины стали приставать к Валентину уже сразу в фойе. «Дай поддержать кинжал! Не дашь – отнимем!» – требовали они. Наши прикрывали брата, как могли, но те напирали, и драка вспыхнула, как сухой хворост. Силы были неравные, и нашим пришлось отступить к стульям у стены. Валентин вскочил на стулья и выхватил кортик из ножен. Блеск холодной стали на миг охладил пыл нападающих, внес нерешительность в их ряды. Но из толпы кто-то крикнул: «Не бойтесь! Он только пугает, им не разрешают».

«Не подходи! Ударю», – предупредительно и твердо сказал герой нашего рассказа, но слишком молоды и горячи были те, кого он предупреждал. Кто-то в задних рядах снял ботинок и запустил в Валентина. Тот уклонился, но в этот момент нападающие преодолели расстояние до стульев и попытались схватить его за ноги. Валентин, отмахиваясь кортиком, понял, что все заварилось не на шутку и нужны решительные действия. Особенно рьяно рвался к нему главный из ишутинских – Мишка Рушев, и Валентин, поймав момент, нанес ему легонький удар между лопаток. Кто-то крикнул, ойкнул. Наступило замешательство.

Галя, оттесненная в сторону от мужа, видя все это, рванулась, вскочила на стулья и с криком: «Валя, отдай нож!» – схватила его за правую руку. Бороться со своей любимой было невозможно, и он разжал руку. Галя схватила кортик, прыгнула со стульев, увлекая Валентина за собой. Все расступились перед этой отважной женщиной с окровавленным кортиком, и они благополучно покинули клуб, хотя Валентин и лишился при этом фуражки.

Молва об этом быстро разлетелась по окрестным деревням. «Надо же! – говорили одни. – Какой-то соловьевский дрался своим кинжалом и порезал ишутинского чуть ли не на смерть!» «А что вы хотите? Напали на офицера, и что же ему оставалось делать? Отдать оружие?» – говорили другие. «Ну и ну!» – говорили третьи и качали головой. Как потом выяснилось, все это организовала из чувства ревности одна мошковская девчонка, с которой мой брат дружил до десятого класса. Но никто не обратился ни в милицию, ни в сельсовет – местные органы власти. И та и другая сторона считали это невозможным. А из-за чего шум-то поднимать? Никто, считай, не пострадал, а кому мало, так добавим, думали те и другие. А от властей надо подальше, подальше. А то приедет участковый с тяжелой кобурой на ремне, прикажет ехать с ним, и не поспоришь, поедешь как миленький. А что дальше будет, известно, не зря ведь говорят, что Москва слезам не верит.

«Нет! Разберемся, без них посчитаемся», – думали соловьевские и ишутинские. Особенно младшие братья того и другого. У Валентина был брат Женька, а у Мишки Рушева – Колька. Но как-то не получалось у них встретиться.

Время шло, и наступила осень, уборка картошки. В те времена это была страда настоящая, и растягивалась она до самых морозов – так много сажали картошки. Картошка спасала от голода страну в войну, спасала и после нее. Школьники были тогда чуть ли не главной ударной

силой в борьбе за картошку. Начиная с пятого класса учебу приостанавливали, детей отправляли по домам в свои колхозы на месяц, а то и более, и никто не возмущался, все понимали, что иначе нельзя. При этом порядок был такой: сначала сдать согласно плану государству, а что останется – колхозу и колхозникам.

Сдавать возили к пристани на Оке, в село Чулково, что в четырех километрах от наших деревень. Возили на лошадях. Поставят на телегу шесть-семь ящиков, и «вперед, Савраска». Чтобы взрослых не отвлекать, возчиками были частенько подростки. Вот и встретились там при сдаче картошки наш Женька и их Колька. Он в очереди на сдачу был через одну лошадь впереди от моего брата. Недруги сразу же встретились глазами, но виду не подали – не время и не место. Очередь продвигалась медленно, а осенний день короткий. Почти совсем стемнело, когда Женька сдал картошку и повернул свою телегу скорее домой. «Колька уже должен быть где-то на полпути», – подумал он и неслабо хлестнул вожжами свою лошадку.

Отдохнувшая, пока стояли в очереди, лошадь по имени Ренка шла легко, и телега весело стучала по накатанной дороге. Путь лежал по подножью горы Городины, что справа, а слева были заливные луга с озерами, заросшими высоким тростником. Деревья, что росли на горе, совсем потемнели, луга затащило туманом, и ехать одному было страшновато. Вот справа показался Каменный овраг, самое опасное место – там, говорят, когда-то видели двух чужих мужиков, и надо бы поскорее его проехать.

Впереди что-то темнело, кажется, это лошадь с телегой. Да, так оно и есть, и человек нагнулся у телеги и что-то делает. Женька остановил лошадь и видит, что телега без заднего колеса, соскочила, и кто-то пытается надеть колесо, поднимая телегу плечом и задвигая колесо на ось. Тяжело и неудобно одному это делать. Мой брат это понял сразу и подхватил задок телеги, но тут же опустил руки – извозчиком оказался Колька Рушев. Ось опять уткнулась в землю. Колька с колесом в руках выпрямился и с такой мольбой о помощи поглядел на Женьку, что тот дернул телегу вверх и держал ее, пока колесо не встало на свое место. Оба вздохнули, и подобие улыбки скользнуло по их лицам.

Общее дело сближает, так было и на этот раз. Небольшой успех в виде надетого колеса создал тепло, в котором стал слабеть ледок неприязни. Можно уж было просто разговаривать, не думая о том, будет это унижением перед противником или нет.

– Как уж это тебе помогло? – спросил Женька.

– Да чека выскочила, а колесо не сразу слетело. Когда же оно сползло, я пошел искать чеку, но не нашел. Темно уж, – как бы оправдываясь, сказал Колька.

Женька, уловив эту нотку вины в голосе Кольки, сразу взял тон превосходства и покровительства.

– Не нашел! – обидно передразнил он Кольку. – Пошли искать вместе. Я – по левой стороне, а ты – по правой.

Они прошли изрядное расстояние, но вернулись ни с чем. Чека, как уже, наверно, догадывается читатель, это такая штучка, которая не дает колесу соскочить с оси. Она обычно выковывается из металла с утолщением сверху, чтобы не провалилась, и вставляется на конце оси. Маленькая она, а без нее не поедешь.

– Что будем делать? – спросил Колька, и в этом объединительном «будем» слышалась его крепнущая надежда на помощь. Моего брата это как-то сначала задело. Подумалось: «А я здесь при чем? Кто ты мне? друг? брат?» И он уже хотел сесть в свою телегу и уехать, но, сделав два шага, неожиданно для себя повернулся к Кольке и сказал:

– Надо сгонять в Чулково, там у перевозчика дяди Сережи я видел старую телегу, возьмем от нее чеку, он разрешит, он друг моего папы.

Московский BAZAR № 1 (31) 2020 г.

И сразу же пришло решение: выпрячь из телеги свою Ренку и сгонять на ней верхом. Ренка, нестарая еще, с мягкой холкой кобылка, неохотно повернулась назад, но подчинилась молодому, но властному хозяину и поскакала галопом. Знакомая ей до последнего бугорка дорога светлела серой пылью среди темной зелени травы, и можно было скакать смело. Дробно стучали копыта, и дробь эта наполняла душу Женьки восторгом и удалью. Было легко скакать на коне в ночь для доброго дела. А Колька сидел в телеге в полном разброде чувств, и в его неизощренном уме бродили примерно такие мысли: «Надо же, ведь еще вчера я бы не раздумывая дал ему при случае в морду, а сейчас жду его, как друга, и полон ему благодарности. Чудно!» – думал он и прислушивался, когда возобновится дробь обратного галопа.

А мы добавим от себя: «Да! Дивны дела человеческие! Мудрен Твой замысел, милостивый Боже!»

О НАГРАДЕ

Он вернулся с войны несколько лет спустя, потому что добивал в лесах Западной Украины бандеровцев. Вернулся в хорошо пригнанной шинели с погонями майора, в добротных сапогах и с командирской сумкой через плечо. Эта сумка была предметом особой моей зависти, да и всей деревенской мелкоты. Так и хотелось ее потрогать, погладить ее матовую и, наверно, теплую кожу, не смея и в мечтах заглянуть вовнутрь.

Волевое и в то же время открытое лицо с готовностью к улыбке, коренастая фигура и уверенность в словах и походке Бориса Алексеевича вызывали симпатию, располагали к себе. На ближайшем же собрании колхоза ему предложили должность председателя, ведь постаревший за годы войны и до того не слишком молодой Алексей Яковлевич давно просился на отдых. Колхозы в то время были небольшие – в составе, как правило, одной деревни. А в деревне, как известно, всё на виду как на ладони, и для общего дела всё на счету. Посмотрели люди, как сноровисто делает он всю деревенскую работу, вспомнили, что и до войны Боря был не промах, и всем захотелось видеть его председателем. Особенно горячо за него стояли молодые, а женщины постарше, видя, что жена его, Клава, после первых счастливых дней встречи ходит все грустнее и грустнее, а частенько и с опухшими от ночных слез глазами, относились к нему более сдержанно.

На собрании герой моего рассказа на предложение стать председателем ответил, что он благодарен всем за доверие, ценит его, но просит дать ему возможность оглядеться, отдохнуть душой на должности рядового, набраться сил. О том, что он разрывается между двумя женщинами и что думает ехать за своей боевой подругой, конечно же, он сказать не мог.

Вскоре Клава, взяв с собой дочку, переехала жить к своей маме, предоставив Борису полную свободу действий. Выбор был сделан, и майор Борис Юрин приехал с молодой женщиной. Ее звали Брониславой, Броней. Красивая, а по деревенским меркам даже чересчур, она при первом же подходящем случае вышла на люди в костюме, под лацканом которого висела медаль «За отвагу». Прошел слух, что она служила у Юрина радисткой и однажды приняла неравный бой и победила. Другие говорили, что она не один раз спасала своего командира от смерти. Так или иначе, но это заставило на какое-то время деревенских баб попридержать свои злые и острые языки, примирило с необходимостью жить в одной деревне. Но прошло какое-то время, и неприязнь к ней разгорелась с прежней силой и больше не утихала. Никто с ней не здоровался, а при ее входе в магазин все замолкали. А уж

Московский BAZAR № 1 (31) 2020 г.

презрительным улыбкам и гримасам не было никакого предела. Последней каплей, переполнившей чашу ее терпения, стал такой случай.

Было время сенокоса. Косили в дальних лугах. В то далекое уже время делалось это вручную. Косцы вставали друг за другом. Впереди вставал самый сильный и умелый, чтобы идущие за ним не подгоняли его, затем шли бабы в таком же порядке, потом подростки. Бронислава косить не умела, и ей поручили разбивку валков скошенной травы, чтобы трава поскорее высыхала. Работа эта – детская, нетрудная. Во время отдыха кто-то из женщин, воспользовавшись тем, что Броня ушла по тропке к речке босиком, припрятала ее туфли. На вопрос, где ее туфли, конечно, никто ничего не отвечал. И пришлось нашей бедолаге несколько километров идти по колючей стерне босиком. Идти, проклиная и себя, такую смелую, и тот день, когда она согласилась ехать в эту деревню, ставшую теперь ненавистной. Утром ее туфли были на крылечке, а через два дня она собрала чемодан и Борис Алексеевич, тяжело переживавший все такие обиды, вынужден был сдаться и отвести ее на родину, во Львов.

С горя он запил – чуть ли не до смерти. Рита, его дочка, будучи еще совсем подростком, поднимала его порой из кювета, доводила до дома, ночевала с ним, а поутру отпаивала огуречным рассолом, называя его дурачком и другими самыми ласковыми словами, говоря при этом, что мама по ночам плачет от тоски по нему. Сердце фронтовика оттаяло, Клава сделала шаги навстречу, и семья восстановилась.

Наступили обычные будни повседневных хозяйских забот, в которые, радуясь, окунулся вернувшийся к жизни крестьянин. Починить пол в бане, поправить покосившийся забор, заготовить сена и дров на зиму – за все он брался горячо и охотно. Вот уж и Риточка пошла в десятый класс, и Клава цветет от счастья, переживая вторую молодость, и люди улыбаются при встрече. Все хорошо, но не производил он впечатления счастливого человека. Видимо, что-то тяжелое лежало у него на душе. Поработал он и председателем колхоза, приняв его из слабеющих рук Алексея Яковлевича, и завхозом укрупненного до четырех деревень колхоза. Но даже трудные и ежедневные хлопоты не позволяли забыть полностью.

Клавочка его, эта умница, чувствуя всё сердцем своим, думала, что он никак не может забыть свою Бронюшку, и терпеливо молчала, боясь потревожить болячку. Но однажды, в бессонную ночь и, как говорится, при ясной луне, она решилась на разговор.

– Боря, миленький, скажи мне, что гнетет тебя, откройся. Ведь я же вижу все твои муки. Может, это все Броня не уходит из сердца? Скажи, я все пойму, я все прощу, и тебе станет легче.

– Нет, Клавочка, берегиня ты моя многоокая. Броня прислала давненько уж письмо, которое я тебе не показал. В нем она сообщает, что встретила хорошего человека, вышла замуж и живут они счастливо, чего желает и нам. Меня она не осуждает, деревню вспоминает как кошмар, но всех вас прощает.

– Так в чем же дело тогда, Боренька?

– Я дал сам себе клятву никому этого не рассказывать. Речь идет о самой моей жизни.

– Боря, ну тогда тем более расскажи. Неужели ты мне не веришь?

– Верю тебе, милая, верю, и поэтому слушай.

Мы стояли возле небольшого городка Мукачево, в сельце дворов на тридцать-сорок. Хозяйка по имени Божена, у которой мы со связным квартировали, была активисткой сил самообороны, созданной нашей властью для борьбы с бандеровцами. Жила она с сыном Влацеком – подростком лет тринадцати, и дочкой Веттой – чуть помладше. Был конец апреля. Там такая в это время природа – рай земной, а мы ходим чернее тучи. Два дня назад у речки убили Божену и ее сына. Дочка тоже была с ними, но убежала. Она рассказала, как незнакомый мужчина вышел из-за деревьев и попросил напиток. Божена поставила ведра, но мужик

Московский BAZAR № 1 (31) 2020 г.

бросился на нее и мгновенно, зажав ей рот, нанес удар ножом. Влацек бросился бежать, но выскочил второй мужик и ударил его. Я весь взвод бросил на поиски бандитов, но где тут найти, когда кругом лес. И вот чудо! К вечеру следующего дня в каком-то доме нашли одного. Его опознали селяне, и Ветта тоже его узнала. Была у него в народе кличка Мясник. До войны он ходил по селам, предлагая услуги – кому кабанчика заколоть, кому бычка завалить одним ударом. Большой был спец по этому делу.

Привели его на допрос. Спрашиваю: «Кто такой?» – молчит.

Спрашиваю еще раз, в ответ – молчание. А на третий раз говорит мне: «Да зачем тебе знать мое имя, москаль поганый. Ведь ты уже труп». И плюнул мне в лицо.

Я вскочил и ударил его. Но, видимо, слишком сильно. Он упал и головой ударился об угол подоконника. Мы к нему, а он уж готов – не дышит. Стоим растерянно, а тут откуда ни возьмись наш особист, лейтенант Зенкин: «Это что такое?! Да я вас, товарищ капитан, посажу за убийство». И побежал строчить донесение.

Было это около пяти часов дня, а через три часа на село напали бандеровцы, более ста человек. Силы были явно неравными, и мы отошли в лес, вызывая помощь. Особист Зенкин был в этом бою убит, и я не знаю, успел ли он отправить донесение. Связной его, Мишаня, тоже погиб. И вот с тех пор я жду вызова в КГБ. Порой забудусь, но как только увижу пакет с казенным штампом, все во мне холодеет. Сколь уж лет прошло, а я все жду.

– Не бойся, милый, успокойся, – обнимая и успокаивая сквозь слезы, шептала жена. – Даже если и обнаружится это, все равно тебя оправдают. Вон сколько наград у тебя! Да и времена сейчас вроде не такие строгие. Успокойся.

– Не могу, Клабочка, не могу, как ни стараюсь.

С тех пор прошло еще не менее десяти лет. Казенных писем Борис Алексеевич больше не получал, потому что жена договорилась с почтальоном Лидой, чтобы такие письма та отдавала только ей. А на этот раз конверт был явно поздравительный – с Днем Победы, и почтальон передала конверт лично Борису Алексеевичу.

В конверте была повестка из районного отдела ФСБ – явиться седьмого мая к десяти часам. В строке «Цель явки» стоял прочерк. Со словами «Ну, вот и дождался» он успокоенно положил конверт во внутренний карман пиджака. Жене решил ничего не говорить – лишние слезы. Под благовидным предлогом – надо, мол, купить бензопилу – он выпросил в колхозе лошадь. Положив в телегу соломы, чтоб не так трясло на кочках, а также сена для лошадки, он в пять утра отъехал от крыльца. Клаву он вечером уговорил не провожать, не вставать. Боялся, что она уловит его тревогу.

Раннее утро майского дня являло во всей красе торжество жизни. Сама лазурь неба как будто трепетала от звона жаворонков, молодая трава уверенно теснила прошлогодние стебельки, утверждая право на жизнь. Стволы берез светились своей белизной сквозь салатную еще зелень листочков, лаская взгляд и согревая душу. Грунтовая дорога, не успев еще затвердеть после снега, не беспокоила трясучими кочками, и мысли Бориса тоже стали понемногу укладываться в спокойную колею.

«Что ты, Боренька, так уж закручинился? – проснулся в нем внутренний голос. – Ведь тебе хорошо за семьдесят, не скажут, что мало пожил. И по жизни всей своей не отсиживался в сторонке, месил тесто жизни вот этими руками». Тут он взглянул на свои руки, державшие вожжи. Взглянул и вздохнул то ли тяжело, то ли с легкой улыбкой. Сколько работухи они сотворили, сколько дел переделали, скольких женщин они поласкали, понежили! А однажды, в лесах Закарпатья, они сошлись железной хваткой на горле врага по кличке Мясник. Жене своей в ту ночь откровения он не решился сказать, что задушил гада своими руками. Видно, сам того не сознавая, опасался тяжелых ассоциаций Клавы при взгляде на его руки. Да и как было его не

задушить, этого гада?! И еще он вспомнил, что долго, больше месяца, ему все хотелось мыть и мыть руки свои, тереть нещадно с песком и мылом, чтобы содрать с кожи осязательную память минуты мщения. Потом вроде прошло, а вот сейчас опять вспомнилось, и снова захотелось их помыть. Но воды не было, и он, закрепив вожжи, машинально сунул обе руки за пазуху.

А потом руки вспомнили саперную лопатку, ее надежный черенок и закаленную сталь лезвия. Почему-то подумалось, что сейчас легко копать могилы. И снова всплыли в памяти годы тяжелой борьбы с бандами националистов. Окопов тогда много копать не довелось – не пехота все-таки. Но было изнуряющее ожидание: днем – выстрела или ножа в спину, а ночью – гранаты в окно.

Годы мирной жизни не оставили в памяти такого глубокого следа, но укоренилось ощущение, что жизнь прожита в целом достойно и авторитет свой он сохранил. При этом вспомнил, как однажды по дороге домой он свалился пьяный у дороги и уснул. Просыпаясь, услышал разговор проходящих женщин.

– Смотри-ка, Тонь! Лежит в канаве, весь в грязи, пьяный, а все равно не Борька, а Борис Алексеевич! Ну как это так?

– А вот так, голубушка, так! – приходя в себя, сказал он ей мысленно. И разматывалась назад кинолента его жизни, наматываясь на немудрящие колеса телеги.

А вот и городок, а вот и казенный дом, если выразиться словами цыганки-гадалки. Привязав лошадку к столбу, положив ей сена, Борис Алексеевич вошел в кабинет.

В кабинете находилось три человека – полковник ФСБ, видимо, начальник отдела, майор и один штатский – судя по манерам, представитель местной власти.

– Юрин Борис Алексеевич, год рождения тысяча девятьсот шестнадцатый?

– Да, это я.

– К нам пришел материал из Москвы, о том, что вы ...

– Николай Степанович, держите его, он теряет сознание! – вскрикнул полковник и бросился из-за стола.

Втроем они подняли легкое тело старичка и пристроили его на стуле. Пульс бьется, вроде живой. Воды! Побрызгав и изрядно облив холодной водой посеревшее лицо Бориса Алексеевича, они привели его в чувство.

– Ты чего, дед?! Мы тебе хотели орден Красной Звезды вручить, а ты в обморок!

Голос слышался фронтовику откуда-то издалека, и сам полковник как будто прилетал из космоса, постепенно приближаясь и увеличиваясь до натурального размера. Придя в себя, Борис Алексеевич попытался улыбнуться и что-то сказать, но слабость не позволила это сделать. Вызвали врача, тот сделал какой-то укол, и лицо пациента стало оживать.

Видя это, полковник раскрыл перед награжденным красивую коробочку с орденом, но ожидаемой радости не увидел. Борис Алексеевич вяло улыбнулся и машинально промолвил «спасибо». Тут полковника осенило – надо угостить ветерана коньячком! И к месту, и для подъема тонуса хорошо. Выпили по стопочке, пососали лимона, встали, и полковник, выйдя из-за стола, торжественно зачитал приказ о награждении Юрина Бориса Алексеевича орденом Красной Звезды за мужество и отвагу, проявленные при борьбе с националистами в Закарпатье в 1948 году.

– Служу Советскому Союзу! – вытянувшись по стойке смирно, ответил фронтовик.

Все, улыбнувшись, не посмели его поправить – Союза давно уже не было. Выпили еще по одной – за Победу, такую уже теперь далекую, и проводили до телеги. Хотели было подвести на машине, но как быть с лошадей? Да и сам Борис Алексеевич отказывался, уверяя, что доедет сам по такой хорошей погоде-то. А погода и впрямь была замечательной, но как бы в стороне от его вернувшейся почти с того света души. Достав из сумки испеченные вчера Клавой

Московский BAZAR № 1 (31) 2020 г.

плюшки и бутылку молока и неспешно перекусив, герой нашего рассказа отправился в обратный путь.

Лошади домой всегда шагают веселее, и вот, уже перебравшись через шоссе, упряжка вошла в лесной массив, за которым еще через шесть километров вблизи заливных лугов будет его деревня. Лесная дорога мягче, телега катилась почти бесшумно, и Борис Алексеевич прилег, доверившись памяти своего коня. Все, кто имеет дело с лошадьми, не перестают удивляться их способности запоминать дорогу домой. Когда же лошадь не уверена, она на развилке дорог встает и ждет команды. А на этот раз ему дали Крепыша, привычного к дороге в район и ходкого конягу, и Борис Алексеевич спокойно прикрыл глаза.

Проснулся он от кошмарного сна. Снилось ему, что его Крепыш чего-то испугался и бросился в галоп. Они влетели в овраг, и его придавило телегой. Грудь нестерпимо болела, но уже наяву. Боль заполнила всю грудь, как та музыка органа, что довелось ему услышать однажды во Львове. Мелодия была так многоголоса и полна, что не оставалось свободным ни одного кусочка сердца. Переговаривались, спорили и боролись сразу четыре голоса. Он понял, что с ним сердечный приступ, и отдался безропотно во власть этих голосов. Самый звонкий из них своей игривостью напоминал мельканье теней и света на кленовых листьях в солнечный день. Голос второй, не такой звонкий, но сильный и внятный, был похож на голос его Клавы в минуты рассудительного мышления. Третий голос, сильный и недовольный, был подобен порывам ветра, гнущего их тополь перед грозой. А над ними всеохватно властвовал низкий, доходящий до самой глубины души бас. Он вызывал страх и покорность судьбе. Такое однажды пришлось Борису ощутить, когда он в сорокатрехградусный мороз оказался один в сосновом бору на затерянной дороге. Деревья потрескивали, снег с шумом срывался с нависших лап, а ноги ступали, как в похоронном марше. Душа его обмирала в страхе. Но тогда он собрался с силами и не погиб.

– Может, и на этот раз сдюжу, – подумал он и приподнял из последних сил голову поглядеть, где они находятся. Перед ними уже виднелась их деревня, за деревней – луга, за лугами – Ока. Эта отрадная навек, милая сердцу картина переполнила душу нежностью и любовью, выдавила слезы.

– Ну, слава Богу, кажется, доедем, – подумал он и опустил голову.

А голоса тем временем бушевали. Второй и третий голос, объединившись, отчаянно отбивались от наседающего на них баса, а первый, слабея и слабея, превращался в улетающую трель жаворонка. Он не участвовал в борьбе – борьба не его стихия. За этой трелью устремлялась и душа раба Божьего Бориса. А бас проникал, как крещенский мороз, и Борису Алексеевичу стало холодно. Хватило сил повернуться и поджать колени. И опять подумалось, что мужикам будет легко копать могилу.

Умный его коняга, Крепыш, сторожко поводил ушами, оглядывался по сторонам и фыркал, убыстряя и убыстряя шаг. Вдруг он встал как вкопанный. Потом заржал и бросился полугалопом.

К знакомому крыльцу он подкатил Бориса Алексеевича еще теплым.

ПОЭЗИЯ

Евгений Агуф
(МОССАЛИТ, Москва)

Новогодняя фантасмагория

Привет, друзья!
Я всем желаю счастья
В обычном
Наступающем году!
И вам, мой друг,
Мое почтение.
Здрас-с-сьте!
Налили?
Хорошо,
Сейчас приду.

Ну, да...
О чем я...
Вот!
О поздравленьях!
Здоровья всем!
Куда ж мы без него.
Всем в Новый год

Так хочется веселья –
Зовите,
Не стесняйтесь,
Если что!

Я к каждому зайду на
Чашку чая.
Вино?
Потом.
Сейчас, пожалуй, нет.
И к вам!
Конечно!
Точно!
Обещаю.
Я с вами!
С Новым годом!
Президент.

Метель

Метель кружила в вальсе снежный ад,
Со злобой глядя на любовь сквозь стёкла,
Утихла воем и пургой поблёлка
От злости, что сама забыла, как
Поземкой нежной под ноги стелилась
Стрелецкой юной стати декабря...
И так остервенела на себя,
Что вдруг уснула тишине на милость.

Акварель

Хмельных забав в прохладную пастель
добавь оттенком терпкого заката.
Теплом под тонким шееком виновато
дрожит в пурпурных струях акварель,
в ней больше солнца с каждым днем теперь
на белых складках снежного халата,
и оттепели будущей оплата –
сосулеч перламутровых капель.

Первоснежное

Шалью тонких снежных кружев
И визитов многоточьем
Укрывался город ночью,
Отражаясь в тонких лужах.

По безлюдным покрывалам
Из притихшего подъезда
По стежкам до боли в сердце
Грусть пунктир шагов читала.

А потом, согрев дыханьем
Строчку наших расставаний,
На тропинках расстояний
День растопит наши тайны.

Альфред Сислей. Место в Марли-Леруа зимой. 1875

Здравствуй, белка, Новый год...

Что за рожа в зеркале моем?
Чей мы день рожденья отмечаем?..
Ни хрена себе – попили чая!..
И желудок стонет: «Щас споем!..»
Господи... Дык Новый год же скоро!..
Или он уже?.. А как узнать?..
Ой, и в этом зеркале опять
Смотрит кто-то на меня с укором.

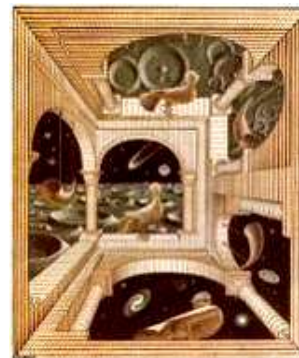
Черт возьми, а это что за фря
В запотевшей душевой кабинке?!
Мож, жена... А чё в одном ботинке?..
Да и попа вроде бы не вся...
Как же так, и что теперь мне будет,
Если Новый год уже прошел?..
Вместо змея дед Мороз, козел,
Белку подарил и двинул в бубен.

Клод Моне. Поезд в снегу. 1875

ПОЭЗИЯ

Ирина Ханум
(Севастополь)

В церкви сладко пахнет розами...

(триптих)

Утро зимнее, морозное, снег скрипит под сапожком.
В церкви сладко пахнет розами, а не ладана дымком.
С пудрой нежной золотистой или с солнечной пылью
Шар от пламени лучистого рядом с обликом Святой.
Свечи гнущиеся тонкие, плача, медленно горят,
Лепет люда пред иконами и смиренно-робкий взгляд.
Кудри, бороды, косыночки, юбок длинных купола...
В чрево душ сугубо личное жизнь с лихвою намела.
Здесь последняя надежда их на прощение грехов,
Что отпустятся за прежнее без упреков и оков.
Отчего же пахнет розами, как в эдемовском саду,
Вместо ладана заморского?.. Озадаченной уйду.

Целую в церкви крест, как должно прихожанам,
Пылают свечи, шепот, женщины в платках.
Сегодня ладан пахнет приторно и пряно,
И мысли вертятся не те... Как это странно!
И дух Святой не здесь, похоже, в облаках.
Целую молча крест, а взгляд скользит по рясе,
По темной ткани вверх, касаюсь им лица...
Смотрю в глаза его... В них столько скрытой страсти,
Черней угля они, весь облик той же масти,
И цвет узора вен – подобие свинца.
Глубокий умный взор его все больше манит,
Он в этих сводах – узник, скованный навек,
Меня к нему безумно тянет... Это – грех,
И где-то там, внутри, досада возникает,
Что жизнь дана ему, лишенная утех.
Под строгою одеждой видится мне кожа,
Прильнув к его губам, я чувствую тепло.
Здесь ладан пахнет розой, и эта мысль тревожит,

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

Как будто шепчет кто-то: «Такого быть не может».
Сочится солнца свет сквозь мутное стекло.

Зачем мне это все? Зачем прикосновенье?
Зачем бесовский дух взыграл, когда – нельзя?
Я думала, что здесь, под благостною сенью,
Покаюсь, как и все, чтоб вымолить прощенье,
А мой Святой опять не миловал меня.

Ночь Пасхальная, весенняя, небо в звездах, как в огнях.
Лес березовый, есенинский, от церквушки в двух шагах.
Как в ней людно и волнительно, сдобой пахнут куличи!
Воск смолой березки чудится на поверхности свечи.
Сыр с кагором, сало, крашенки... Все от ладана в чаду.
Первоцветы, розы красные, ладан с розами в ладу.
Ленты белые, атласные и веночки из цветов.
Мать Божья смотрит ласково и понятно все без слов.

Море и тюльпаны...

(Из цикла «Крымские этюды»)

Море и тюльпаны, дымка голубая
Шарфиком прозрачным прямо над водой.
Коврик первоцветов, что ручей, стекает
С гор... Блаженство это не объять строфой.
Снежные вершины – веснам не подруги,
Им в песцовых шапках издревле тепло.
Пара чаек топчет изморозь округи,
Ту, что ранним утром ветром намело.
Мы, как чайки, бродим по холодной гальке,
Мысленно вплетаясь в бархатный сезон,
Где не стынь, а солнце, и приезжих стайки,
И не бриз колючий, а хмельной озон.

Я хочу голубые розы...

Что тебе подарить?... Цветы.
Я хочу голубые розы.
Пусть за окнами снег скрипит
И от холода пальцы мерзнут.
Пусть шипы – под покровом льда,
Чтобы гладкими долго были.
Вот такая моя мечта –
Розы зимние, голубые.
Голубые, как лед в реке,
Как на свет водопада струи,
Как сапфир на моей руке.
Ночь на стеклах узор рисует...
Голубые, как первый снег?
Что за блажь – голубые розы?
Голубые, – твержу в ответ,
Как хочу я цветы с мороза!
Эти розы цветут в горах,
От их выси – озноб по коже.
Гор вершины всегда в снегах,
И снега голубые тоже.

Рыбный порт вдыхает запах моря...

*В память о моей матери,
проработавшей радистом
на судах заграничного плавания
более двадцати лет...*

Рыбный порт вдыхает запах моря.
Как вальс августа прибой!
Кипарисы, небо голубое
И причал с шумящею толпой.
Слезы расставанья, поцелуи
И пожатия дружеские рук.
Не люблю я с юности такую
Грустную мелодию разлук.

Девочка в наглаженной панаме,
Женщина с узорчатым зонтом...
Что сейчас вас здесь объединяет?
Незнакомки, мысленно я с вами.
Я скучала каждый раз по маме
И ждала из плавания потом.

Мне знакомы трапы и причалы,
Звуки кранов в утреннем порту,
И суда, и проводов немало.
Мы прощались чаще на борту.
А сегодня вдруг воспоминанья
Окатили чувственной волной.
Чайки в небе, будто оригами,
Над рыбацкой кружат стороной.

Клод Моне. Въезд в деревню Ветхойль зимой

*Камиль Писсарро. Снежный пейзаж, Эраньи.
Вечер. 1894*

Крымские домики

(Из цикла «Крымские этюды»)

Крымские домики, тихие дворики,
Вишня, орех и миндаль.
В доме – буфет, пожелтевшие слоники –
Прошлому времени дань.
Ослик навьюченный тропкою узкою
С горки спустился в село.
Что-то щемящее, близкое, грустное...
Что-то... Но очень тепло.

Куры и утки, теленок накормленный,
Скрипнет калитка слегка,
Кошка, собака, пушистые кролики,
Крынки полны молока.
Лошади бродят в лугах зеленеющих,
Лозы рождаются вновь.
Теплые чувства, с грустинкой, к селениям...
Теплые – значит любовь.

Не ходи в Хороссан, ты – чужой...

(Памяти Сергея Есенина)

*В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не смог.
С. Есенин*

Не ходи в Хороссан, ты – чужой,
И что любишь ее – промолчи.
Будет пери другому женой,
Не готовь ей отрезь парчи.

Дивных роз у порога дурман,
Персиянки божественный лик.
Это – сон, помутнение, обман,
Все пройдет, как смятения миг.

Не ходи в Хороссан, ты – чужой,
У тебя – как озера глаза.
В горной Персии будешь изгой,
А в березовый край – ей нельзя.

Не согреет ей душу букет
Из ромашек с июльских лугов,
И брусничного цвета рассвет,
И венки из лесных васильков.

Обернувшись печальной чадрой,
Пери станет грустней, чем была.
Будет сниться ей в розах порог,
Добавляя грустинке тепла.

Художник

(Навеяно живописью)

Шершавой холстине так хочется ласки
От шелковой кисти и цвета пастели!
Разгладит он пальцами мягкие краски,
Касаясь так нежно, как будто лелея

Картину, как женщину ту, что любима,
Которая в снах появляется вещей,
То с летним букетом, то с чашею сливы,
То вдруг начинает латать его вещи.

Фиалками пахнет чуть смуглая кожа,
А щеки умыты зарей первозданной.
Она на портрете немного моложе,
Но так же изящна, свежа и желанна.

Он что-то поет, насыщая холстину
То алым, то желтым, то винным оттенком,
Пройдется ладонью по ультрамарину,
И море задышит дурманно и терпко.

Он все забывает у новой картины:
Про голод и то, что в камине – ни щепки,
Зато на холстине краснеет малина,
Бери, сколько хочешь, с рисованной ветки.

Богатый и бедный, безумно счастливый,
Он много мечтает и этим доволен,
То ходит в моря, то гуляет по нивам,
Он – бог, для себя, и в фантазиях волен.

На панцирной сетке кровати убогой
Ночами холодными ежится, зябко.
Смуглянка с портрета поманит в чертоги
Фиалковых снов, от которых так сладко.

Поздняя встреча

Поздняя встреча, ромашки в руке –
Свежий букет с недостроенной дачи.
«Да» или «нет» в этом скромном цветке?
Чудится, птица в кустарнике плачет.

Запахи леса смешались с морским,
Солнце садится и шлейф догорает.
Руки согреты дыханием твоим,
Негой наполнилось сердце до края.

Нитка тропинки ведет за собой
К летнему пляжу, где столько простора...
Сердце мне шепчет о счастье с тобой,
В мед добавляя горчинку минора.

Что-то мешает почувствовать рай,
Может, года, что лежат за спиною.
Чайкой кружится тревожное «жаль»,
Жаль, что ты встретился поздно со мною.

Старый мир

На окошке закрытом герань
Тянет к солнцу листочки-ладошки,
Занавески поблекшая ткань,
За порогом – участок с картошкой.

Старый дом, старый двор – это мир
Одинокой, в косынке, старушки.
Как хозяйка – печален и сир
Ветхий дом на краю деревушки.

Ей дороже всего этот дом
С небольшим лоскутом огорода.
Достает она старым ведром
Из колодца холодную воду.

А поодаль – ватага домов,
Черепичные красные крыши.
Он – обитель ее и альков,
Домик памятью прошлого дышит.

Не лачуга, а целая жизнь...
Здесь ее приняла повитуха,
Здесь ковались судьбы виражи,
Здесь был голод, война и разруха.

Уцелел драгоценный сундук,
В нем наряд подвенечный, неброский.
Это детище маминых рук,
А сундук неподъемный – отцовских.

В темный погреб ступеньки ведут,
Огурцы, как положено – в бочке.
Было время – ее не одну
Набивали, съедая досрочно.

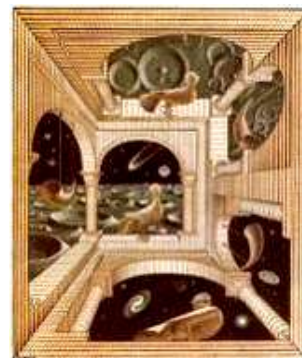
На окошке закрытом герань,
Лепестков густо-розовый бархат.
И стекло, как незримая грань,
Старый мир отделяет от «завтра».

Константин Коровин. Зима в Лапландии. 1894

ПОЭЗИЯ

Александр Сухих
(МОССАЛИТ, Москва)

Декабрьская весна

Запутана природа:
из сонной темноты
древесная утроба
просунула листья.

И белые фиалки
явились у окна.

Орут ночами галки –
куда лететь?

Без сна
медведь – громада жира –
никчемно смотрит в лес.

И небо – цвета сыра.
И облако, как крест.
И распушились ветлы
на южной стороне.

И лезут злые пчелы
из ульев.

И во мне резиною – досада,
разброд, что будто грех
здесь – мой. Теплу не рада
душа и смотрит вверх.

В обрез концовки года
соседка под окном
фиалки от ухода
выкапывает – в дом.

Новогодний переход

Шампанское,
слезы, глаза,
объятия,
призрачный смех,
и надо бы много сказать,
но время течуче для всех.

Срастутся
лишь несколько слов,
сокрытые чувства –
с трудом.

О нет, я еще не готов!..
О нет...

И пружинисто – звон!
И стрелка – поклоном в часах
отправит весь год на покой...

Мы в кадре – на прежних местах.
Картинка омыта слезой.

В себя, обновляясь, глядим,
молчим ослабевшим нутром,
и скованы линии спин.

... Дрожащая тишь за окном.

В присутствии снега

Я начинаю новый год
в младенческом сознании
и прячусь от земных забот
под вымыслом изгнания.

Скудны рефлекс в полутьме
домашнего сочельника...
Диван, распахнутый ко мне,
зовет:
– До понедельника?!

И, изнывая от себя,
пытаю стих безропотный,
а во дворе – салют, шипя,
рванет и...
Снег неопытный,
лишь поджидавший нужный знак,
наполнит дом движением.

Окно открою. Лай собак.
Поддакну – с продолжением!..

Со мной Свекла – соавтор мой.
Весной, и летом, и зимой
Мы вечные любимцы муз.
Мы вместе порождаем вкус:
Остёр наш взгляд и тонок слух,
А мой конек – разящий дух!

Я мастер острого сюжета
Хватило б только нам бюджета!

В отсутствие присутствия

Внезимняя нескладеха

В. Высоцкому – с поклоном...

В нас – комплекс огорченья
к метелям нежным, льду... –
всем домом на Крещение
купаемся в пруду.

Весенние мотивы
топорщатся в стихах,
и брови – будто гривы,
и маслено в глазах,
коты уж свили гнезда,
ночами соловьи
мяучат очень слёзно
соловушек своих...

Такая раскладуха:
с шампанского тошнит,
и муха– иль старуха –
за стенкой верещит.

Достану с антресоли
узорные коньки
и выйду в чисто поле...

...Короткие деньки.

Рукопись, найденная у мусоропровода

Стихотворение в прозе

Предупреждение публикатора:

Данный текст подается без правок и редактуры – в том виде, в котором и был найден мной ранним предновогодним утром сего года... Закавычиваю для понятности.

«Донесение № 132. 015. 40/2. *»

Ваше Высочество, следуя новым рекомендациям, пишу на местном диалекте, параллельно отправив документы обычным способом связи.

Часть 2

Особи выходят на улицу, когда начинает темнеть.

Их выжженные и выжигаемые души
 нежатся в тенях ночи
 и безошибочно находят путь
 к местам скопления им подобных,
 где правит выработанный искусственный свет,
 жидкие, сыпучие и газообразные вещества,
 которые делают их сначала подвижными,
 потом – замедленными
 и постепенно уводят в еще большую тень
 иллюзорного света.

Они быстро находят существ,
 несколько отличных по строению и,
 прижимая себя к их различным частям тела,
 и, физиологически дополняясь,
 отдают им долю своей сгущенной субстанции,
 что обычно не приводит в дальнейшем
 к размножению, отпочкованию и сохранению вида,
 а лишь приносит то, что они называют “кайфом”.

Этот кайф разрастается
 в оглушающем звуковом сопровождении,
 многие, под воздействием однообразного ритма,
 сбиваются в стаи и конвульсивно дергаются
 продолжительное время.
 Изредка возникают столкновения,
 и одни ударяют других конечностями
 и подручными приспособлениями,
 в результате чего происходит
 взаимная потеря жизнеобеспечивающей жидкости.
 После они вновь обмениваются
 сгущенными субстанциями
 с противоположными, а иногда
 и с физиологически подобными себе особями.

С приходом органичного света
 большинство разбредается
 и разъезжается по клетям,
 некоторых уносят и увозят,
 а иные просто падают,
 где придется.

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

Вывод:

Хронотип крайне неустойчив, нежизнеспособен,
опасен только по отношению к себе и себе подобным.
Самоуничтожение вида происходит и произойдет
почти
без нашего участия.

Что касается моего прошлого Доклада о запасах веществ,
которые они называют “оружием”, то...»

Здесь рукопись обрывается...

*«Донесение № 132.015.40/2.» – (сумма цифр составила: 6.6.6).

Она и Он за несколько минут до...

Новогодняя фантазия 1

...Стояла, истекая ожиданием,
пылая и с готовностью смеясь
над шутками. Случайные касанья
нешадно намагничивали страсть.

Глаза его, тонируя с закатом,
лучили свой пульсирующий взгляд.
Размеренно мерцал, как рыцарь в латах,
китайской елки сахарный наряд.

Шампанское допито, мысли вязнут
в незримо уплотняющейся мгле.
Слова почти мучительно бессвязны
под ветром, изнывающим извне...

Взаимно горячит дыханье лица,
но руки так беспомощно пусты.
В сближении – зрочки.

Секунда длится... –
торжественное время немоты!..

Он и Она. Таинство прелюдии

Новогодняя фантазия 2

Лаская тело, нежу душу
свою и, видимо, твою...
Наш обоюдный трепет слушать –
как затяжной прыжок в раю,
полет без страха приземленья,
напев, лишь ведомый двоим,
вне времени, расчета, тленья –
в настое буйственной крови...

Почти бессильные движенья –
медлительности вольной транс.

Глубинно мутное течение
ко дну затягивает нас...

Густав Луазо. Дом зимой. 1911

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Зинаида Кокорина

(МОССАЛИТ, Королёв)

ЗДРАВСТВУЙ, ДЕДУШКА МОРОЗ!

Проза в стихах

(И сказка, и быль)

Перед самым Новым годом где-то на краю земли, куда метели с вьюгами все тропы замели, встречаются Деды Морозы-братья в Супер-Замке с экСПресс-мешками за спиной, чтоб разместить подарки. Хоть разные они совсем, но все похожи: и стар, и средний брат, и те, кто чуть моложе, на всех наречьях меж собою говорят. Наденет каждый Дед свой праздничный наряд. Задором молодым горят глаза! И все спешат – опаздывать нельзя.

Якутский Дедушка Мороз (он – Чысхаан) разнёс давно гостинцы по домам.

В висящий на стене мешок-чулок, закинул он подарок точно в срок.

«Хранитель Холода» – он первым на планете встречает Новый год и дарит радость детям! И вот теперь спешит он в Супер-Замок (не близок путь туда и не далёк), чтобы оставить главный свой подарок для всех Морозов-братьев: ХОЛОДОК.

Норвежский Ниссе – домовый и добрячок. Росточком невелик и носит колпачок. По Супер-Замку он гуляет не спеша – гостинцы подберёт по вкусу малышам: сосульки, леденцы... всё, что сосётся. Впрок лакомствами Дед здесь запасётся. Детишкам всем – любимым человечкам – он спрячет эти сладости за печкой.

В **Германию** спешат Морозы, их два брата. Один поедет на восток, другой - на запад. Мерцаньем праздничных огней их встретят в каждом доме... Но оставляют Дедушки подарки на балконе.

Мороз из **Польши** – самый старший брат. На нём надет епископа наряд: Дед в мантию и в митру облачён... Собрал в мешок подарки быстро он. Волшебный конь уже копытом бьёт, Святого Николая в путь зовёт!

Всю ночь им предстоит по башмачкам, раскладывая подарки малышам.

А этот – Дед Январь – **во Францию** спешит. От нетерпения он посохом стучит... В широкополой шляпе статен **Пэр Ноэль!** Торопит братцев: «Шевелитесь поскорей!..» Нелёгкая его работа ждёт – бросать всю ночь подарки в дымоход.

Вот из **Японии** Дед Одзи-сан. Всю ночь подарки он разносит сам. Фонариками путь ему осветят к домам своим и взрослые и дети.

Гостей встречают грабли у дверей – греби в дом счастье смело, не жалеи!

Монгольский Дед Увлин Увгун одет не ярко, просто. Здесь совпадают Новый год и Праздник скотоводства. Так и является Увлин в народ, как скотовод. С ним рядом мальчик

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

Шина Жила (Новый год). Подарки щедро этот мальчик раздаёт. В эксПресс-мешке их очень много – целый воз! Ведь Главный скотовод сегодня – Дед Мороз!

На **Корбобо** халат в полоску яркую. Малыш-осёл везёт мешок с подарками. Помощница у них – Снегурочка Коргыз, поддержит Дедушку: подаст в пути кумыс. Прибудут в срок подарки к малышам. Успеет Корбобо в **Узбекистан**.

К нам из далёкого Великого Устюга, придёт ХОЛОДОК с метелями и вьюгой. Его **Мороз** доставит – главный **русский Дед**. Он в шубу праздничную яркую одет. Искрится иней серебром на рукавах. И крепок посох ледяной в его руках. Под шапкой меховой – седая голова. Он над Морозами российскими – глава! Пора раскладывать под ёлочки подарки. В ночь новогоднюю Морозам будет жарко!

Прощаясь, Дед Мороз садится в сани. Помчатся вихрем кони с бубенцами!

На праздник к детям **Дед Мороз** с помощницей придёт. **Снегурочка** устроит возле ёлки хоровод!

Хоть Новый Год по-своему все празднуют. И Дедушки Морозы тоже разные, но знают все: под Новый год их в каждом доме дети ждут.

Из Супер-Замка в эту ночь ко всем подарки попадут!

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Татьяна Попова

(МОССАЛИТ, Москва)

КАК ДЕД МОРОЗ ПОДАРКИ ПЕРЕПУТАЛ

Жил-был на свете Дед Мороз... Впрочем, нет, неправильно начала я сказку. Уверена, что вы догадываетесь, что Дедов Морозов на свете много. Иначе, посудите сами, как бы мог один-единственный Дед Мороз справиться со всеми новогодними хлопотами! Как бы один-единственный Дед Мороз успел доставить вовремя все подарки, зажечь все елки, проследить за порядком в каждом лесу!

Итак, Дедов Морозов (их могут еще называть Санта Клаусами, Пэр Ноэлями и другими именами) много. И характеры у них бывают самые разные. Я знакома с суровым Дедом Морозом, и с озорным, и с аккуратным, и даже с немного грустным.

Дед Мороз, о котором я хочу рассказать сегодня – безалаберный, да-да, это слово больше всего подойдет. Еще когда он был маленьким Морозцем и учился в школе, учителя ругали его за безответственность и лень и угрожали, что не дадут ему диплом Деда Мороза. Угрожать угрожали, но диплом все-таки дали, и стал наш Дед разъезжать в новогоднюю ночь по всему свету и развозить подарки взрослым и детям.

И вот в прошлый Новый год наш Дед, как это частенько бывало, чуть не проспал новогоднюю ночь, потому что накануне весь день играл на компьютере в стрелялки. Хорошо, Снегурочка вмешалась – разбудила Деда. Покидал он кое-как в свой мешок подарки и отправился в путь.

Знаешь, что бывает, когда собираешь портфель в последнюю минуту? Вот-вот: то ручку забудешь, то дневник, то тетрадку не ту положишь. Так это – портфель, а то – мешок с новогодними подарками. Вот так и получилось, что подарки, предназначенные для семьи Петровых, перепутались.

А между тем мама Петрова, папа Петров, бабушка Петрова, Ира Петрова и Вася Петров – все ждали подарков! Они сидели за большим праздничным столом, держали в руках бокалы (взрослые – с шампанским, Ира и Вася – с соком) и старались не смотреть в тот угол комнаты, где сияла огнями елка. И все-таки, когда раздался бой курантов, Вася не удержался, посмотрел на елку и заметил, как мелькнул за окном силуэт в роскошной шубе, а под елкой появились свертки с подарками.

Вася, чуть не подавившись соком, нырнул под елку и начал раздавать всем подарки. Сначала он схватил небольшую коробочку, на которой было написано «Бабушке», потом –

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

конверт для мамы, потом – коробочку побольше, подписанную «Ире», потом – папину, самую большую коробку, и наконец – большой мягкий сверток для себя.

Согласись, нет ничего приятнее и загадочнее, чем разворачивать новогодний подарок! Сердце замирает в сладостном и немного тревожном ожидании: что там? То, о чем ты мечтаешь больше всего на свете? Неужели желанный подарок теперь – твой? А вдруг там, внутри, вовсе не то, что ты хочешь, вдруг – что-то совсем ненужное?

Между тем Петровы развернули свои подарки и...

– Ничего себе! Роскошная железная дорога! Как я в детстве о такой мечтал! Что ж, лучше поздно, чем никогда, спасибо Деду Морозу!

Папа, улыбаясь во весь рот, доставал из огромной коробки рельсы, паровозик, вагончики, фигурки людей и семафор.

– Надо же, новый телефон! Меня и старый устраивал, но раз Дед Мороз так решил... Пойду-ка возьму очки, буду инструкцию изучать...

– Бабушка, это – айфон, самый крутой, такой, как я хотела...

Но бабушка уже скрылась в своей комнате, так и не услышав слов Иры. Впрочем, Ира недолго завидовала бабушке. Открыв свой подарок, она завопила на весь дом:

– Ух ты! Круто! Профессиональная косметика! И духи французские!

– Ира, тебе всего двенадцать! Девочки в твоём возрасте не пользуются такой косметикой! Да и духи...

Но Ира не дала маме договорить:

– Мама, раз Дед Мороз подарил, значит, так надо! Покажи лучше свой подарок!

Мама лишь покачала головой и протянула дочке конверт. Ира вытащила кусочек картона:

– Ой, мама, это билеты на футбол. А ты разве любишь футбол?

Мама не успела ответить, как раздался возмущенный вопль Васи:

– Это что еще такое? Он что, с ума сошел, этот Дед Мороз?

Даже увлеченный железной дорогой папа оторвался от своего занятия и поглядел на сына. Вася стоял посреди комнаты и возмущенно смотрел на огромную шаль с красивыми сиренево-голубыми узорами.

– Зачем мне шаль? Да меня завтра все мальчишки, да что там мальчишки, все девчонки засмеют!

Но родные не поддержали Васю. Ира сгребла новую косметику и побежала в свою комнату – краситься, папа вернулся к новой железной дороге, мама, пробормотав что-то вроде «дареному коню в зубы не смотрят», засунула в карман билет на футбол и стала убирать со стола. Бабушка в своей комнате нажимала на кнопки нового айфона.

Константин Коровин. Тройка. Закат в зимнем лесу. 1930

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

Бедный Вася! Он даже чуть не заплакал, но вовремя вспомнил, что мужчины не плачут, а действуют. Совершенно ясно, что бестолковый Дед Мороз перепутал подарки. Значит, надо найти этого Деда и заставить восстановить справедливость.

Мальчик тихонько оделся и незаметно вышел из квартиры. Во дворе веселая компания запускала петарды, но Вася даже не остановился. Как настоящий следопыт, мальчик стал изучать следы. И скоро нашел то, что искал – на снегу четко был виден отпечаток лошадиного копыта. Вася пустился по следу. И вот в соседнем дворе он увидел сани, запряженные тройкой белоснежных лошадей. Откуда-то появились высокий, совсем еще молодой Дед Мороз в роскошной красной шубе и стройная Снегурочка. Вася кинулся к Деду:

– Дед Мороз, а Дед Мороз! Ты что натворил?!

От неожиданности Снегурочка взвизгнула, как девчонка-старшеклассница, а Дед Мороз с размаху сел в сугроб.

– Ты кто такой? Как ты смеешь на меня, Деда Мороза, кричать, мою внучку Снегурочку пугать?

– Я – Вася Петров, вот кто я такой! А кричу я на тебя, потому что ты все подарки перепутал. Кто футбол любит? Папа! А ты кому билет подарил?

– Кому? – Дед Мороз выглядел слегка смущенным.

– Кому-кому, маме, вот кому! А мамину косметику – Ирке, а ей только двенадцать лет, она накрасится, будет на чучело похожа! Ирка-то косметике так обрадовалась, что даже про айфон забыла. Айфон для нее предназначался, а ты его бабушке отдал. А может, Ирка и не забыла, она умная, сообразила, что бабушка в айфоне не разберется, все равно ей отдаст.

– Вот к чему приводит безответственность, – заявила Снегурочка, укоризненно глядя на Деда Мороза.

– Это еще не все! Мне вообще бабушкина шаль досталась!

Вася аж задохнулся от возмущения. Пришлось перевести дух. Дед Мороз совсем сник и стал похож на провинившегося школьника.

– Позор! – возмущалась Снегурочка. – Ты со своими стрелялками обо всем забываешь! Вот и докатился!

Тут Васе, который и сам увлекался компьютерными играми, стало немного жаль Деда, и он решил за него заступиться:

– Знаешь, Снегурочка, ты, это, поосторожней, он тебе все-таки дедушка, нельзя так со старшими разговаривать!

– Да какой он мне дедушка? Ты что? Мы с ним вместе в школе учились, в одном классе. Только я – отличница, а он – троечник. И за что мне такой дед достался, теперь позора не оберешься!

Дед Мороз совсем съезжился и сник. И тогда Вася проявил великодушие.

– Знаешь что, Снегурочка, каждый может ошибиться. Он больше не будет! Ты не будешь?

Дед с надеждой посмотрел на Васю и закивал головой.

– А ошибку мы исправим. Я сейчас пойду домой, и когда все заснут, открою для вас окно, а вы уж сами с подарками разберетесь, договорились?

Дед Мороз и Снегурочка обрадовались предложению Васи. Вернувшись домой, он понял, что никто и не заметил ни его ухода, ни возвращения. Накрашенная Ира в бабушкиной комнате занималась айфоном, папа с восторгом наблюдал, как паровоз везет состав мимо семафора и будочки с человечком, мама с бабушкой смотрели по телевизору «Голубой огонек». Вася сказал, что хочет спать, и скоро все семейство Петровых уже видело новогодние сны.

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

Вася спал беспокойно и проснулся первым. Он поспешил в гостиную. Елка темнела в углу, а под елкой лежали нераспечатанные подарки: большая коробка с надписью «Васе», коробка поменьше – маме, маленькая коробочка – Ире, большой пакет – бабушке и конверт для папы.

Когда проснулись остальные Петровы, никто из них почему-то не помнил событий новогодней ночи. Как ни в чем не бывало они кинулись распечатывать свои подарки. Бабушка, помолодевшая от радости, накинула на плечи чудесную шаль, мама восхищалась новой косметикой, Ира завизжала от восторга, увидев айфон, а папа предвкушал, как пойдет на футбол. Вася, раскрыв коробку с железной дорогой, подошел к папе и сказал: «Давай это будет наша общая дорога, ладно? Вместе ее соберем и будем вместе играть?» Папа явно обрадовался и пробормотал: «Хорошо придумано, сынок, хотя я уже и вышел из этого возраста!»

Вася подошел к окну. Сияло холодное зимнее солнце, на окне расцвели ледяные узоры, а в самом углу замысловатыми буквами было написано: «С Новым годом! Спасибо за урок! Дед Мороз».

Камиль Писсарро. Снег в Эрмитаже. Понтуаз. 1874

ИСТОРИЯ, СЛУЧИВШАЯСЯ В ПРЕДНОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Арсений жил на окраине огромного города. Прямо за его домом начинался лес. Правда, взрослые называли лес лесопарком, потому что в настоящем лесу не бывает асфальтовых дорожек, лавочек, фонарей и детских площадок. Взрослые ездили по дорожкам на велосипедах или ходили с палками, похожими на лыжные. Еще они сидели на лавочках, выгуливали на детских площадках малышей. И почти никто из взрослых не уходил с

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

асфальтовых дорожек по едва заметным тропинкам в глубь леса, где в ветвях берез и сосен переговаривался с птицами ветер, где летом можно было найти грузди, сыроежки и лисички, а осенью – целые семейки акробатов-опят, где папоротники напоминали картинки из книжек про динозавров, где прыгали непуганые белки и выбивали барабанную дробь нарядные дятлы.

Обычно Арсений гулял в лесу с дедушкой. Все остальные обитатели квартиры на восьмом этаже с окнами в лес были людьми занятыми. Мама с папой с утра до вечера работали, старшая сестра Нина училась в самом последнем, одиннадцатом классе и, хотя выросла выше мамы, боялась как маленькая Яги и все время почему-то к ней готовилась. А бабушка словно белка в колесе крутилась с утра до вечера по хозяйству: готовила завтраки, обеды и ужины, вытирала пыль и составляла для дедушки списки покупок в магазине. Арсений удивлялся – он никогда не видел, чтобы белки бегали в колесах, но все забывал расспросить про эту странную белку у дедушки.

Дедушка, конечно, рассказал бы ему про белку. Он знал обо всем на свете! По дороге в детский сад и из сада Арсений успевал обсудить с дедушкой целую кучу интересных тем: модели гоночных автомобилей и летающих тарелок, косичку Тани Еремеевой, за которую не надо дергать, даже если очень хочется, интересную книжку и планы на новогодние праздники.

А Новый год уже почти дошел до дома на границе леса и огромного города. В детском саду Арсений сыграл зайца в новогоднем спектакле и получил от Деда Мороза и Снегурочки лего и конфеты. Папа принес в квартиру самую настоящую елку, заполнившую все вокруг запахом ожидания чуда. Мама с помощью Арсения и немного отвлекшейся от «подготовки к Яге» Нины нарядила елку. А бабушка на кухне пекла пирожки с капустой и готовила еще что-то вкусно-секретное к завтрашнему новогоднему празднику.

Наступил вечер. Дедушка дочитал Арсению сказку про двенадцать месяцев, мама поцеловала и, пожелав спокойной ночи, закрыла дверь в детскую. А Арсению не спалось. Наверное, сон прогнали обрывки новогодних песен, звучавшие в голове, или запах елки и бабушкиных пирожков. Арсений встал с кровати и подошел к окну. Там, за плотной шторой, носились, как сегодня на утреннике девочки в белых пышных платьях, снежинки. Внизу справа сверкали фарами спешащие в город и из города машины. И темнел лес.

Ближе к дому выстроившиеся в линейку фонари на дорожках пытались разогнать черноту декабрьского вечера. Но там, где дорожки кончались, царила настоящая тьма.

И вдруг... Сначала Арсений не поверил своим глазам. Но чем дольше вглядывался он, тем яснее видел, что там, в бездонной темноте спящего леса, вспыхивает голубой огонек. Не светится непрерывно, нет, а именно вспыхивает и гаснет. Как будто сигнал кто-то подает. Вспышка – темнота, вспышка – темнота. А потом долгий свет и долгая темнота. Арсений отбежал от окна и, включив ночник, кинулся к ящику с игрушками. Выбросил на ковер машинки, лего, детали железной дороги. И наконец нашел то, что искал – фонарик.

Потушив свет, Арсений кинулся к окну. Вдруг, пока он искал фонарик, тот, неизвестный, подающий сигналы из леса, отчаялся и ушел?

Но Арсений волновался зря. Голубая вспышка – темнота, вспышка – темнота. И ожидаемый долгий свет – и долгая темнота. Арсений не стал дожидаться новых сигналов. Он приставил фонарик к стеклу и нажал на кнопку. Включить – выключить. Включить – выключить. А теперь включить и подождать. А потом выключить и ждать ответа.

И ответ последовал! Теперь сигнал в лесу изменился: не два, а три коротких включения-выключения, а потом голубой огонек светился долго-долго. Арсений повторил все точь-в-точь.

И тут в комнату вошел дедушка.

– Сенька! Ты почему не спишь? Что ты там делаешь, у окна?

Если бы в комнату зашел кто-то другой, неизвестно, что бы сказал и сделал Арсений. Но точно известно, что бы сказали и сделали другие, услышав историю о сигналах из леса. Бабушка, не обратив никакого внимания на важную информацию о таинственном огоньке, заругалась бы, что Арсений стоит в одной легкой пижаме у окна, из которого дует, и немедленно уложила его в кровать. Мама сказала бы, что Арсений вечно что-то выдумывает, а ей еще нужно проверить, как Нина готовится к Яге, а не тратить время на всякие фантазии. Папа бы пошутил, что в лесу прячутся инопланетяне, и, чмокнув Арсения, снова пошел к своему компьютеру и интернету. В общем, скорее всего, если бы в комнату зашел кто-то другой, Арсений оказался бы в кровати, и всё.

Но в комнату вошел дедушка. Выслушав внука, он подошел к окну и сделал точно то, что раньше делал Арсений: принялся повторять сигналы, которые кто-то посылал из леса. А потом стал придумывать свои комбинации. Увидев, что неизвестный их повторяет, дедушка посмотрел на часы и сказал.

– Что ж, половина девятого – не такое уж позднее время. Завтра начинаются новогодние каникулы, в садик рано вставать не надо. А лучшее средство от бессонницы – прогулка на свежем воздухе. Осталось уговорить женщин.

Женщин, то есть маму и бабушку, уговорить, хотя и с трудом, удалось. И вот дедушка и Арсений, одетые по настоянию бабушки так, будто на Северный полюс собрались, вышли из дома. Лес, исхоженный и знакомый, казался сейчас совершенно чужим и волшебным-прекрасным. Метель утихла, уложив сверкающие снежинки спать на пышные перины сугробов, в лилово-черном небе светился ломтиком апельсина месяц.

– Дедушка, а мы не заблудимся? Ты точно знаешь, куда идти? – забеспокоился Арсений.

– Не волнуйся, – успокоил дедушка, – сигналы подавали с той самой поляны, где осенью мы нашли подосиновик. Я эту поляну с закрытыми глазами найду.

И дедушка не хвастался – он нашел поляну. На поляне, прямо на снегу, сидела девочка в белоснежной шубке с капюшоном и держала в руке сосульку. Время от времени она взмахивала сосулькой, и та вспыхивала голубоватым ярким светом. Увидев дедушку и Арсения, девочка ничуть не испугалась и не удивилась.

– Привет! – сказала она голосом чистым и нежным, как звон хрустального колокольчика, который кто-то подарил маме на прошлый Новый год. – Это ты мне отвечал оттуда?

И девочка махнула рукой в белоснежной рукавике в сторону Арсениного дома.

– Я, – кивнул Арсений, – меня Арсений зовут. А ты...Ты – Снегурочка?

– Ага, – ответила Снегурочка, с любопытством поглядывая на дедушку.

– Это мой дедушка, – сказал Арсений, – а твой где? Ой, ты, наверное, потерялась, да?

– Ничего подобного, – Снегурочка, похоже, рассердилась, – я что, маленькая, теряться? Я сама ушла. Сбежала.

– Сбежала? От Деда Мороза? Почему?

Снегурочка молчала, по-прежнему поглядывая на дедушку. И Арсений понял, чего она опасается.

– Не бойся! Мой дедушка всё-всё понимает. Рассказывай, что там у тебя случилось.

И Снегурочка рассказала. Раньше Арсений думал, что Дед Мороз и Снегурочка работают всего несколько дней в году. Разнесут в новогодние праздники подарки, а потом отдыхают. В соседнем супермаркете месяц назад даже витрину такую смешную сделали. Комнатка, в ней Дед Мороз, точнее, Санта Клаус спит. Лежит в кровати и храпит. А на столе – календарь, и в

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

нем дни меняются. Мама говорила, что тридцать первого декабря, то есть завтра, Санта проснется, встанет, запряжет оленей и повезет всем подарки.

Может, Санта Клаус и спит весь год, а вот Дед Мороз со Снегурочкой – нет. Теперь Арсений удивлялся, что раньше мог так думать. Они с дедушкой даже в садик с вечера собираются, чтобы ничего важного дома не забыть. А Деду Морозу и Снегурочке нужно сколько подарков собрать? Сколько писем с пожеланиями прочитать? На весь год работы хватает.

– Да уж, тяжелая у вас работа, – сказал Арсений.

– Непростая, – согласилась Снегурочка, – но интересная. И очень приятная. Когда другому радость даришь, самому весело. Так всегда и было. До сегодняшнего утра.

Снегурочка замолчала. Арсений ее прекрасно понимал: он даже вспоминать не любил о своих ссорах с дедушкой, а уж каким-то незнакомцах о них рассказывать...

– Знаешь, Снегурочка, все люди иногда ссорятся. Даже те, кто очень друг друга любит. Не стесняйся, рассказывай, может, мы тебе помочь сумеем. Не зря же Арсений твои сигналы заметил, – подбодрил Снегурочку дедушка.

Снегурочка улыбнулась:

– Спасибо! Мы с моим дедушкой из-за пустяка поссорились. Из-за медведя.

– Ничего себе пустяк! – воскликнул Арсений.

– Понимаете, – продолжала Снегурочка, – я хотела, чтобы все-все празднику радовались. Не только люди! И дедушка меня вроде поддерживал. Я приготовила в лесу елку и подарки для всех птиц и зверей, для рыб, даже маленьких жучков-паучков не забыла. А потом я подумала: а как же те, кто спит зимой? Кто в спячку впадает? Ну и решила, что их обязательно нужно разбудить.

– А с Дедом Морозом ты, конечно, не посоветовалась, – дедушка то ли вопрос задавал, то ли сам же на него ответ давал.

– Нет, – печально сказала Снегурочка, – не посоветовалась. Потому что прекрасно знала, что он против будет. Он вообще такой... ну, старомодный.

– Старомодный? – переспросил дедушка.

– Да. Он считает, что все по традиции должно быть, как положено, как давным-давно заведено. Вот я в прошлый Новый год хотела всем сюрприз сделать. Подарить всем-всем новогоднее тепло. Поколдовала немножко, договорилась с морозцами, чтобы они ненадолго слетали отдохнуть на Север, упростила вьюги и метели посидеть недельку дома, в таежной глуши, зазвала в гости в неурочный срок Весну-красну. И все получилось у меня! За неделю до Нового года тепло настало, дожди пошли, снег растаял.

– Как? – Арсений даже подпрыгнул от удивления и злости. – Так это ты в прошлом году такое натворила? Это из-за тебя мы Новый год под дождем встречали?

– Нет, не из-за меня, – принялась оправдываться Снегурочка, – из-за деда моего. Это он меня остановил. Наказал, без мороженого оставил, срочно вернул морозцы, выругал метели и вьюги за то, что меня послушались, на Весну накричал. А если б не Дед Мороз, я бы дело до конца довела, вы бы в начале января подснежники собирали, а в конце – в речках бы купались.

– Да не нужны мне твои подснежники! – еще сильнее рассердился Арсений. – То есть подснежники мне, конечно, нужны, но весной, настоящей весной, а не той, что по твоему желанию чуть не наступила. Это только глупая королева из сказки подснежники велела под Новый год собирать. И купаться зимой я хочу в бассейне, а в речке – летом! Из-за тебя в прошлом году на Новый год я на лыжах не катался, снежных баб не лепил, даже в снежки не играл. Вот что ты наделала!

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

Арсений замолчал. Бедная Снегурочка тоже молчала – что тут скажешь, если Арсений, в общем-то, прав.

– Что было – то прошло, – подал голос дедушка, – лучше расскажи, что там у тебя с медведем случилось.

Снегурочка вздохнула, с опаской покосилась на Арсения:

– Я пошла в лес, будить тех, кто всю зиму спит. По дороге набрела на медвежью берлогу. И разбудила его. Вот и все. А дедушка узнал и та-а-а-ак меня отчитал. Я обиделась и сбежала из дома. Шла-шла и пришла сюда. Мне скучно стало, я начала сигналы посылать, ну, а дальше вы пришли. Вот и всё.

– Нет, не всё, – Арсений все еще злился, – что с медведем-то, которого ты разбудила?

– С медведем? – переспросила Снегурочка. Арсений тоже часто так делал, когда его спрашивали о чем-то неприятном, а ему очень не хотелось отвечать. – Медведь проснулся страшно злым. Зарычал и убежал. А Дед сказал, что теперь это не простой медведь, а медведь-шатун. И что медведи-шатуны очень опасны. Вот я и решила, что должна медведя найти и уложить обратно в спячку, пока он ни на кого не напал. И пошла по медвежьим следам. А тут след потеряла. Теперь точно все.

Арсению вдруг стало жалко Снегурочку: одна, в темном лесу, где бродит злой медведь-атун. Наверное, она стала подавать сигналы от страха. А он, вместо того, чтобы помочь, накинулся с упреками. Еще Арсений подумал, что Снегурочка все-таки очень храбрая девчонка. Хоть и натворила дел, а не побоялась на поиски шатуна отправиться. Ему-то, Арсению, даже сейчас страшно, хотя рядом дедушка.

– Не бойся, – сказал Арсений, – мы тебя не бросим. Правда, дедушка?

– Конечно, не бросим, – подтвердил дедушка, – сейчас нам нужно придумать, как и где медведя искать. И что с ним делать, когда найдем.

– Что-что, – раздался вдруг откуда-то сверху, из темноты, хриплый голос, – пристрелить его, да и все. Охотников вызвать и пристрелить.

– Зачем же стрелять? – ответил невидимому собеседнику дедушка. – У меня и охотников-то знакомых нет. Не люблю я, когда зверей убивают.

– Тогда нужно поймать его, – не унимался невидимый, – и посадить в зоопарк, в клетку. Я там иногда бываю, обедаю у того, у другого.

– Ты воробей? – догадался Арсений.

– Почему это? – возмутился невидимый.

– Стихотворение такое есть, – ответил Арсений. – «Где обедал, воробей? В зоопарке у зверей».

– Никакой я не воробей, – ответил невидимый и слетел прямо на освещенный луной сугроб, – я ворона.

Могла бы и не представляться: теперь и Арсений, и дедушка, и Снегурочка сами могли полюбоваться на огромную ворону с хитрыми глазами.

– Мы не собираемся отправлять медведя в зоопарк, – терпеливо объяснил дедушка, – там и без него хватает медведей, и белых, и бурых, и других разных. Мы хотим вернуть бедного медведя обратно в его уютную и теплую берлогу.

– А еще я прощения хочу у него попросить, – добавила Снегурочка, – за то, что разбудила.

Ворона внимательно посмотрела на дедушку, Снегурочку и Арсения. Как будто решала, стоит им доверять или нет. А потом махнула крылом, словно позвала кого-то из темноты.

И тут на поляну вышел медведь. Огромный-преогромный. Арсений знал, что такие медведи называются бурыми, но сейчас, в обманчивом лунном свете, на белом искрящемся

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

снегу он казался черным. Арсений схватил за руку Снегурочку и толкнул ее за спину дедушки. А сам стал рядом с дедушкой, хотя больше всего на свете ему тоже хотелось спрятаться.

– Не бойся! – усмехнулся медведь, заметив маневры Арсения. – Поначалу, конечно, я страшно разозлился на того, кто меня разбудил. Но потом...

И медведь рассказал Арсению, Снегурочке и дедушке, как побрел по зимнему лесу, сонный и злой. Как расшалившаяся белка кинула в него с высокой сосны снежком. И как, подняв голову, чтобы разглядеть обидчицу, он увидел танцующие в синем небе снежинки. А потом оглянулся и залюбовался елками в белых шубах, блестящими сугробами. Как встретил свою старую приятельницу ворону и она рассказала ему о том, что Снегурочка приготовила новогодний праздник и подарки для всех лесных жителей.

– И решил я, – сказал медведь, – что лягу спать после того, как со всеми зверями, птицами и букашками всякими встречу Новый год.

– А я, – не выдержала долгого молчания ворона, – увидела, как ты сигналы подаешь. И полетела за медведем.

– Только вы, – медведь показал на Арсения и дедушку, – раньше нас сюда добрались. И говорили, что хотите меня найти.

– И я, как разведчица, стала ваши планы узнавать, – закончила ворона.

Снегурочка подошла к медведю и погладила его по огромной лапе:

– Я так рада, что ты не сердишься на меня. Но все равно хочу попросить прощения.

– Да уж что там, – пробурчал медведь, – я ж сказал, что не сержусь. Вот только есть очень хочется...

– Дедушка! – закричал Арсений. – У нас же дома целая банка меда есть! Мама купила на ярмарке, на случай, если кто заболит.

Конечно, дедушка не пожалел бы меда для медведя, но тут на поляне появился еще один дедушка – Снегурочкин. Он вышел из-за большой ели, высокий, статный, в белоснежной шубе и шапке. Только мешка и посоха у Деда Мороза не было: вместо них он держал обеими руками большой деревянный бочонок, от которого пахло летом и медом.

– Угощайся, Михайло Потапыч! – сказал Дед Мороз медведю. Потом в пояс поклонился дедушке и Арсению. – Спасибо вам, люди добрые, что моей внучке помогли.

– Дедушка, прости меня! – закричала Снегурочка и обняла Деда Мороза. А тот ласково погладил внучку по голове и сказал: – Прощу, куда же мне, деду, деваться! Только уж в следующем году свои затеи со мной заранее обсуждай, ладно?

– Ладно, – согласилась Снегурочка, – я уж и сама поняла, что не все мои придумки хороши.

И посмотрела на Арсения. Видно, вспомнила, как он ее за прошлогоднюю новогоднюю оттепель отругал.

Дед Мороз, Снегурочка и ворона проводили дедушку и Арсения до самого дома. А медведь простился с новыми друзьями в лесу. Во-первых, он не хотел оставлять без присмотра недоеденный бочонок меда. А во-вторых, не стоило живому медведю попадаться на глаза людям, которые встречались на освещенных фонарями парковых дорожках и на улице у дома Арсения. Дед Мороз и Снегурочка прохожих не удивляли: в предновогодние дни в городе Деда Морозы и Снегурочки – не редкость. Никто ведь не знал, что они – самые настоящие, а не ряженые.

Пришла пора прощаться. И Арсению вдруг стало грустно-грустно. Снегурочка, похоже, тоже расстроилась. Дедушки переглянулись, и Дед Мороз сказал:

– Вот ты, внученька, считаешь меня старомодным. Я, мол, все по традициям делаю. Что ж, наверное, ты права. Но традиции можно ведь и самим создавать.

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

– Как это? – удивился Арсений.

– А вот как, – ответил вместо Деда Мороза дедушка, – теперь мы с тобой каждый год вечером 30 декабря будем в лес ходить.

– А мы с тобой, внученька, – продолжил Дед Мороз, – будем наших друзей на нашей полянке ждать.

– А можно я тоже туда прилетать буду? – спросила ворона.

– Можно! – в один голос сказали Арсений и Снегурочка.

Когда уставший Арсений наконец лег в свою кровать, он подумал: «Может быть, и медведь теперь захочет каждый год просыпаться утром 30 декабря? И тоже придет на полянку?» Но дальше Арсений уже ни о чем не думал. Он спал, и ему снился новогодний лесной праздник, и веселые звери и птицы, и снежинки, танцующие в синем морозном небе, и Снегурочка.

Камиль Писсарро. Версаль. Дорога в Лувисьен. Снег. 1869

ПАПА НЕ УМЕЕТ РИСОВАТЬ

Петин друг

У тебя есть друг? А у твоего друга есть хвост? Нет? Наверное, твой друг – мальчик или девочка? А вот у Петинного друга есть хвост! И два блестящих черных глаза, и торчащие вверх уши, и пушистая блестящая шерсть. Ты думаешь, Петин друг – щенок? Или котенок? А вот и не угадал! Петин друг живет в парке, прыгает по деревьям и грызет орешки. У него целых две

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

шубы: летняя – рыжая и зимняя – серая. Теперь ты, конечно, догадался, что Петя дружит с белкой.

Прошлой зимой Петя гулял в парке с бабушкой. И увидел, как большая девочка кормит белок. Две взрослые белки бесстрашно таскали орехи прямо с раскрытой ладошки, которую девочка прижала к стволу старой сосны. А маленький тощий бельчонок боялся людей. Он сидел на другом дереве и голодными глазами смотрел на орехи.

– Бабушка, – сказал Петя, – мне жаль бельчонок! Я хочу, чтобы и ему орешки достались.

– Трусишка сам виноват! – заявила строгая бабушка. – Как его накормишь, если он боится взять угощение?

– Надо орех положить на землю или в кормушку и отойти подальше, – предложил Петя.

– Не выйдет, – покачала головой бабушка, – большие белки раньше схватят, или ворона утащит.

Петя понимал, что бабушка права. Он всю прогулку думал о бельчонок, и наконец придумал!

– Бабушка, я – маленький и бельчонок – маленький. Девочка, которая белок кормила, большая, вот он ее и боялся! А меня не испугается!

На следующий день Петя принес в парк орехи и подошел к старой сосне, в ветвях которой резвился бельчонок. Мальчик прижал к стволу ладошку с орехом. Он даже дышать старался потише, чтобы не испугать бельчонок. Трусишка посмотрел на орех, спустился по веткам пониже, потом по стволу подобрался прямо к Петиной ладошке и... Петя не заметил, когда орех исчез! Бельчонок помчался прятать добычу, а счастливый Петя сказал бабушке: «Я же говорил, что меня бельчонок не испугается!»

Вот так у Пети появился новый друг. Перед Новым годом Петя, как обычно, пришел в парк с орехами. Но, вместо того чтобы взять угощение с Петиной ладошки, бельчонок положил на нее орех! Да не простой, а золотой! На орешке было написано: «Моему другу». Не веришь? Почему? Разве друзья не стараются порадовать друг друга? Ты говоришь, что белки не умеют писать? Не знаю... Думаю, научиться писать не сложнее, чем научиться дружить. А золотой орех я видела на Петиной елке своими глазами!

Папа не умеет рисовать

Ты когда-нибудь болел? Тогда ты знаешь, как грустно сидеть дома, кашлять, пить лекарства. На дворе морозно и солнечно, ребята лепят снеговика. Сегодня выходной, мама с папой дома. Если б Петя не заболел, они бы всей семьей пошли на каток или в кино. От этой мысли Петя совсем расстроился.

– Петя, не куксись! – сказала мама. – Поиграй во что-нибудь с папой!

Папа отложил в сторону планшет и посмотрел на сына:

– Ну что, будем замок из лего строить?

– Не хочу!

– Тогда давай в железную дорогу поиграем.

– Не хочу!

– Чего же ты хочешь?

Петя хотел лепить снеговика и кататься на коньках, но говорить об этом папе бесполезно. Он обвел глазами комнату и увидел на стене картину.

– Порисуй мне!

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

Папа удивился:

– Я не умею рисовать! Хочешь, я тебе компьютерную программу покажу, там такие картинки можно делать, настоящий художник лучше не нарисует!

– Не хочу программу, – заныл Петя, – нарисуй мне картину! На бумаге! Фломастерами!

Папа понял, что не переупрямит больного Петю. Он взял листок бумаги, открыл коробку с фломастерами. Немного подумал. Достал синий фломастер и провел им по бумаге. Белый лист разделила почти пополам слегка волнистая линия. Папа замер, словно восхищаясь своим рисунком.

– Что это? – спросил Петя.

– Разве ты не видишь? Это – небо и море, – ответил папа.

– Ты и правда не умеешь рисовать! – рассердился Петя. – Где тут небо? Где море?

– Это не я не умею рисовать, это ты не умеешь рассматривать мои рисунки! – возразил папа. – Ну ладно, я тебе помогу.

Он взял желтый фломастер и нарисовал в правом верхнем углу большой круг, от которого разбежались во все стороны палочки-лучики. Потом, немного подумав, папа дорисовал в круге точки-глазки и скобочку – рот.

– Солнышко не умеет улыбаться! – проворчал Петя. – Планеты не улыбаются!

– Тоже мне, астроном, – засмеялся папа. – Солнце – не планета, а звезда. И солнце умеет улыбаться и хмуриться. Помнишь, как вчера на улице было хмуро и темно? А сегодня, посмотри в окно, разве не видишь, как солнышко смеется?

Петя посмотрел в окно, прямо на солнце. Солнечный свет был таким ярким, что ослепил Петю. Пришлось зажмурить глаза. Так Петя и не выяснил, улыбалось ли солнце.

Пока Петя смотрел в окно, папа успел дорисовать на небе какие-то галочки черным фломастером.

– А это что? – спросил Петя.

– Чайки. Летят над морем.

– Чайки белые, а не черные, – сказал Петя.

– Белые, – согласился папа, – но на белой бумаге белые чайки не будут видны.

– Тогда нужно небо покрасить синим, и море тоже! – предложил Петя.

Они взяли акварельные краски и покрасили небо голубым цветом, а море синим. А потом нарисовали белые облака и белых чаек в небе. А на синем море – большой белый корабль. А в море Петя нарисовал трех дельфинов, и медузу, и водоросли. Хотел еще морскую звезду нарисовать, да места не хватило. Пришлось Пете зайти прямо в воду, позвать дельфинов и попросить их отплыть подальше, чтобы освободить место для звезды. Дельфины поплыли к кораблю, стали совсем маленькими. Петя нарисовал звезду и пробежался по берегу моря. Потом подобрал красивую ракушку – для мамы.

Говорят, морской воздух очень полезен для здоровья. Наверное, поэтому к вечеру Петя совсем перестал кашлять и пошел на поправку. Через два дня он уже лепил во дворе снеговика со своими друзьями. И рассказывал им о том, что папа совершенно не умеет рисовать. Вот и приходится Пете все делать самому. И ведь неплохо получается! Не веришь? Приходи к Пете и посмотри на рисунок, который висит рядом с большой картиной. Где еще ты увидишь такое синее море, таких белых чаек и такое веселое солнышко! Вот только ракушку на рисунке ты не найдешь – она лежит в маминой шкатулке на полочке в шкафу.

Подарок для папы

– Петя, ты папе подарок приготовил? – спросила мама.

Петя удивился: день рождения папы совсем недавно отмечали. Петя подарил папе аппликацию, которую сделал в детском саду на занятии. О каком же еще подарке спрашивает мама?

– Скоро двадцать третье февраля, День защитника Отечества, – сказала мама. Только Петя все равно не понял. Какого защитника?

– Защитник Отечества – это тот, кто защищает свою семью, свой дом, свою страну, – пояснила мама.

Петя вспомнил, как однажды на даче папа защитил его от страшного соседского пса. И еще вспомнил, как зимой в парке хулиганы ломали лавочки и беседку, а папа их прогнал, хотя хулиганов было трое, а папа один. Ну, не совсем один: Петя, хоть и спрятался за папу, схватил палку и был готов помочь, если папа сам не справится. Все правильно, папа – настоящий защитник! Значит, нужно готовить подарок!

– Мама, давай купим папе новый айфон, – предложил Петя, – вчера в садике Мишка хвастался, что у его папы новый айфон.

– Айфон подождет, – мама часто говорила непонятно. Кого подождет новый айфон? Где подождет? Зачем?

– Я папе подарок уже приготовила, – продолжала мама, – а вот тебе следует поторопиться. И помни: лучший подарок – тот, что сделан своими руками!

Петя с сомнением посмотрел на свои руки. Еще одну аппликацию сделать, конечно, можно. Но дарить два одинаковых подарка – скучно, а получать – еще скучнее. Нарисовать что-нибудь? Так они с папой недавно целую картину нарисовали, вон, на стене висит. Еще Петя умеет своими руками делать скворечник, папа летом научил. Правда, скворечник получился немного кривой. И свои, то есть Петины, руки пострадали – Петя нечаянно ударил молотком по пальцу. В результате скворечник пришлось папе доделывать. Нет, скворечник не подходит. Зачем папе еще один кривой недоделанный скворечник? Он же не скворец, а защитник Отечества!

Думал Петя, думал, что же папе подарить. Да так ничего и не придумал. Решил с бабушкой посоветоваться. А она концерт по телевизору смотрит. Артист на экране песню поет, красивую, немного грустную. Про поход, про войну. Прислушался Петя: «В кармане маленьком моем есть карточка твоя, так значит мы всегда вдвоем, моя любимая!»

У папы и мамы тоже были карточки. Они этими карточками платили в магазине за покупки. Но Петя сомневался, что в песне поется про такие карточки.

– Бабушка, а эта песня – про защитника Отечества? – спросил Петя.

– Конечно, – кивнула бабушка.

– А что за карточка у него в кармане?

– Карточка любимой жены, – ответила бабушка, – фотография, значит!

Петя вышел из комнаты. Защитник Отечества носил в боях и походах фотографию своей любимой. А у папы маминой карточки нет! Фотографий в телефоне куча – и маминых, и Петиных, а карточки – нет!

Теперь Петя решил, какой подарок получит папа на день защитника Отечества. Он своими руками сфотографировал маму. И не просто сфотографировал, нет! Петя заставил маму надеть самое красивое платье! И сережки, и браслет с висюльками. И прическу мама сделала красивую. И даже духами попрыскалась, хоть на фотографии запах не чувствуется.

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

Когда в День защитника Отечества папа открыл Петин подарок, он даже застыл от удивления. Потом папа поцеловал маму и сказал: «Ты тут просто королева, моя красавица!» Мама засмеялась и покраснела, как маленькая.

– А ты тут такой взрослый, серьезный! – продолжал папа. – А бабушка совсем молодая у нас, даже на бабушку не похожа!

Петя ничего не понял. Потом посмотрел на фотографию. Там, рядом с нарядной мамой стояла не менее нарядная бабушка и очень серьезный Петя.

– Кто ж тебе такую замечательную идею для подарка подсказал? – спросил папа.

– Никто, – засмутился Петя, – сам придумал. Когда песню про карточку любимой услышал.

Папа не сразу про песню понял, пришлось бабушке ее напеть.

– Молодец! – похвалил папа. – Теперь в моем кармане всегда будет карточка со всеми моими любимыми.

Петя еще долго думал, как на фотографии мамы оказались и они с бабушкой. А ты не знаешь, как такое могло случиться?

Мальчик со странным именем

В Петинем дворе появился новый мальчик. Он теперь жил в соседнем доме и учился в школе с другими ребятами из Петиного двора. Петя пойдет в школу только через два года, но иногда старшие ребята принимают его в свои игры.

В тот день играли в прятки. Новый мальчик водил, а остальные ребята прятались. У нового мальчика было странное имя – Жирдяй. На самом деле Петя уже встречал ребят со странными именами. Его детсадовского друга зовут Лев, хотя на грозного царя зверей он совсем не похож. На третьем этаже в Петинем доме живет девочка Лиска. Петя думал, что ее так прозвали за то, что она вечно хитрит и жульничает в играх. Но бабушка объяснила, что Лиска – это сокращенное от «Алиса». А еще Петя знаком с мальчиками Добрыней и Саидом и девочкой Васей. Да что там – самого Петю мама ласково называет Петушком! И все-таки имя Жирдяй – очень странное! Наверное, поэтому сам Жирдяй как-то весь передергивался и мрачнел, когда его слышал.

Петя спрятался в очень удачном месте, в кустах распускающейся сирени. Но все испортила бабушка. В самый неподходящий момент она попрощалась со своими подружками, встала со скамейки и позвала Петю домой. Петя не откликнулся. Тогда бабушка направилась к кустам сирени. Петя зашипел:

– Бабушка, уйди! Мы в прятки играем, разве не видишь! Жирдяй меня из-за тебя сразу найдет.

– Кто тебя найдет? – не поняла бабушка.

– Жирдяй! – Петя замахал руками. – Уходи отсюда!

Но бабушка никуда не ушла. Она взяла Петю за руку и на глазах у всех повела домой, как маленького. Петя не стал сопротивляться: слишком сердитым было бабушкино лицо.

– Почему ты обзываешь мальчика? – едва переступив порог квартиры, спросила бабушка. – Что он тебе плохого сделал?

– Какого мальчика? – удивился Петя.

– Того, которого ты Жирдяем называешь, – ответила бабушка.

– Я ж не виноват, что у него имя такое странное, – попытался оправдаться Петя.

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

Но бабушка объяснила, что Жирдяй – не имя, а прозвище. И дразнят так нового мальчика за то, что он полный. А почему мальчик полный – неизвестно. Может, болезнь у него какая-то. Может, он просто много ест и спортом не занимается. Но, как бы там ни было, сказала бабушка, обзывать нехорошо.

С этим Петя согласился. Во-первых, Мишка в саду обзывал Петю насекомым, потому что фамилия у него Комаров. И Пете было очень обидно. Во-вторых, Жирдяй показался Пете хорошим человеком. Он не задавался, хотя бы на три года старше. И историю интересную рассказал про мальчика, который с тигром в лодке по океану плыл.

Пете стало стыдно. Получается, он человека обидел, хорошего человека. А мама с папой всегда говорят, что свои ошибки нужно исправлять.

На следующий день Петя даже на самокате по двору гонять не стал. Он сидел на качели и ждал, когда выйдет Жирдяй. Когда наконец тот появился на площадке, Петя подошел к нему и сказал:

– Привет! Я забыл спросить, как тебя зовут?

Жирдяй почти не удивился, посмотрел Пете прямо в глаза и ответил:

– Слава.

– Хорошее имя, – сказал Петя. – Слава, давай с тобой дружить!

– Давай, – сразу согласился бывший Жирдяй.

И тогда Петя достал из кармана и протянул Славе золотой орех. Тот самый, который под Новый год подарил Пете его друг бельчонок. Слава прочитал надпись: «Моему другу» и спросил:

– Тебе не жалко? Наверное, этот орех очень тебе дорог?

– Дорог, – кивнул Петя, – но для друга ничего не жалко. Разве не так?

Это история случилась весной. Потом наступило лето, Петя уехал на дачу. А осенью, когда Петя вернулся домой, он встретил во дворе еще одного нового мальчика – высокого, загорелого, стройного и веселого. Мальчик ловко бросал мяч в баскетбольную корзину, но, увидев Петю, подошел к нему.

– Петя, привет! Как дела?

Петя удивился: откуда незнакомый мальчик знает его имя. Мальчик засмеялся:

– Ты что, не узнаешь меня? Я же Слава!

– Слава? – Петя от удивления аж рот открыл. Теперь никто бы не назвал Славу Жирдяем!

– Хочешь, я научу тебя мяч в корзину забрасывать? – спросил Слава. – Я сам многому за лето научился. И на велике ездить, и на роликах, и даже в теннис играть.

– А это трудно? – спросил Петя.

– Бывает, что и трудно, – сказал Слава, – только мне твой орех помогал. Ты, конечно, знаешь, что он волшебный. Если чего-то сильно хочешь, орех поможет и твое желание исполнится.

Петя не стал спрашивать, чего так сильно хотел Слава. И так было ясно. И они пошли к баскетбольной корзине, и Петя не сразу, но все-таки смог забросить в нее мяч. С синего неба на них смотрело солнце и улыбалось.

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Светлана Сударикова
(МОССАЛИТ, Москва)

ГМУНДЕН. ЖЕМЧУЖИНА ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ АВСТРИИ

На берегу озера Траун (Traunsee) в самом сердце австрийских Альп в земле Верхняя Австрия (Oberösterreich) расположился чудесный городок Гмунден. В мире он известен своей керамикой с характерным бело-зеленым орнаментом. И даже колокола на городской ратуше керамические с традиционной бело-зеленой расцветкой. А еще в Гмундене самая короткая в мире трамвайная линия – всего 2,3 км.

Но конечно, город привлекает туристов своей архитектурой и великолепным видом на озеро, словно взятое в объятия исполинскими ладонями Альп.

Стоит немного сказать о самом Траунзее. Это карстовое озеро, самое глубокое в Австрии – его глубина достигает 191 метра – и второе по величине после Аттерзее. Протяженность озера составляет 12 км. Восточный берег крутой и труднодоступный, поэтому малонаселен, основные населенные пункты находятся на западном берегу. Но даже если едешь по западному берегу, то и дело попадаешь в туннели, протяженность одного из которых составляет 2 км.

Зимой озеро крайне редко полностью замерзает, последний раз это случилось в 1963 году. Зато летом озеро прогревается до плюс девятнадцати градусов, так что вполне можно освежиться и получить удовольствие от водных процедур. Тем более что вода необыкновенно чистая и прекрасного качества. Как и все озера, Траунзее имеет в запасе леденящие душу истории. Так, в 1910 году во время шторма на озере перевернулась лодка, пятнадцать человек – все они были совсем еще юными – утонули.

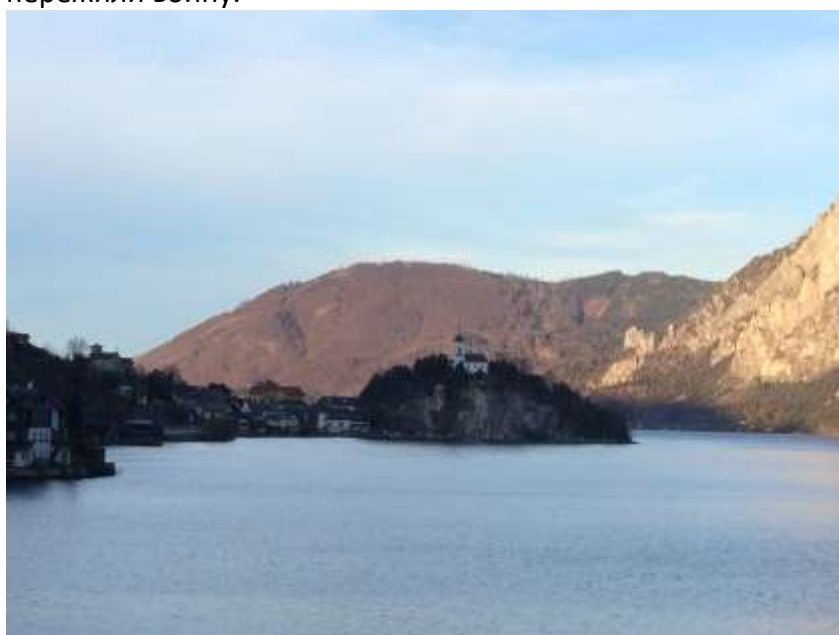

А 8 мая 1945 года, в последний день войны, самый крупный истребитель-бомбардировщик времен Второй мировой войны Republic P-47 Thunderbolt потерпел над озером крушение. Это был последний самолет, который американцы потеряли в Европе во время войны. Более 60 лет машина считалась утерянной, однако в 2005 году ее обнаружили на глубине 70 метров. Машину не только достали, но и отправили в США, там отреставрировали, она даже

смогла еще раз подняться в воздух 22 июня 2017 года в штате Айдахо. Кстати, римляне называли озеро Lecus Felix, что означает «счастливое озеро».

И вот в V веке на берегу озера появляется поселение, которое в 1278 году уже именуется городом. Основное, за счет чего живет город, это торговля солью. В XVII веке Гмунден становится поставщиком военных кораблей. Это было связано с осадой Вены турками. В начале XIX века заканчивается период торговли солью и Гмунден начинает развиваться как курортный город, а в 1862 году получает этот статус.

Во время Второй мировой войны в город хлынули тысячи беженцев, население города увеличилось на 30000 человек. С таким количеством людей маленькой городок не справлялся. Кроме того, город фактически превратился в лазарет. И хотя Гмунден избежал бомбардировок, его экономика к концу войны оказалась в руинах. 13% его жителей не пережили войну.

Прибывшие в Гмунден американцы превратили город в шпионский центр, причем для работы привлекались даже бывшие эсэсовцы. Однако и восстановлен город был не без помощи американцев.

Сейчас город развивается и принимает ежедневно огромное количество туристов. Излюбленным туристическим объектом является замок Орт (Seeschloss Ort), расположившийся на небольшом острове на озере.

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

Чтобы добраться до замка, нужно пройти по довольно длинному деревянному мосту. Или доплыть на теплоходе. Пристань, где можно сесть на теплоход, находится в самом центре Гмундена. Замок Орт является визитной карточкой города. Вечером, подсвеченный разноцветными огнями, на фоне ночных гор, он смотрится особенно эффектно. Именно в этом замке снимался очень популярный в Австрии сериал «Замок-отель Орт», хотя отеля в замке никогда не было. Это одно из самых старых зданий Австрии, первое упоминание о котором относится к 909 году.

По легенде замок построил великан Эрла для своей возлюбленной – русалки Блондерль, насыпав предварительно каменный остров на озере. История печальная. Злая колдунья превратила влюбленных в людей, лишив Блондерль ее прекрасного подводного мира. Но русалка не смогла жить в человеческом облике и умерла от тоски.

Еще одна невеселая история есть у этого замка. Один из его владельцев, эрцгерцог Иоганн Сальвар, сын великого князя Леопольда II Тосканского, отказался от дворянского титула, чтобы жениться на своей возлюбленной – актрисе Милли Штубель. Влюбленные отправились в путешествие на мыс Горн и не вернулись. В 1911 году они были признаны погибшими, а замок перешел во владение Габсбургов. Сейчас он является собственностью города.

По соседству с замком, на берегу озера расположился великолепный парк с виллой Тоскана, построенной в 1870 – 1877 годах для великой герцогини Тосканской Марии-Антонии-Анны де Бурбон, принцессы Королевства Обеих Сицилий из дома неаполитанских Бурбонов. Рядом расположены еще два замка: замок Кумберланд и замок Вейер, в котором сейчас размещается выставка майсенского фарфора.

Еще одним старейшим зданием Гмундена является ратуша, построенная в 1574 году итальянскими мастерами. Как я уже писала, особенностью ратуши являются 24 фарфоровых колокола, раскрашенных в цвет гмунденского фарфора. Недалеко от ратуши расположена приходская церковь, которую еще называют церковью Трех Волхвов. Первое упоминание о церкви относится к 1270 году. Однако она была неоднократно перестроена. Эта церковь известна своим барочным алтарем с фигурами трех волхвов, выполненных в мастерской Томаса Шванталера в 1678 году.

В Гмундене находится первый в мире музей Брамса. Великий композитор часто проводил летние месяцы в Гмундене у своего друга промышленника Виктора фон Миллера Айххольца. Именно здесь Брамс написал знаменитый цикл песен на стихи Вальтера Скотта.

Центр города представляет собой маленькие разноцветные средневековые домики, прилепленные друг к другу, отчего город кажется игрушечным.

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

Улицы полого поднимаются и спускаются. Древние каменные мостовые хранят отпечатки башмаков Шуберта, Штрауса, Бартока, Адольфа Фишера и других знаменитостей, оставивших след в мировой культуре и науке.

Есть в Гмундене еще одна небольшая достопримечательность, о которой не говорят в путеводителях. Это скульптура Яна Непомуцкого с характерными пятью звездами вокруг головы святого. Все знают статую этого святого на Карловом мосту в Праге. В Гмундене она тоже есть. Не знаю, как другие, а я всегда прикасаюсь к статуе святого и загадываю желание!

Гмунден – город птиц. Огромное количество уток, лебедей и чаек остается здесь на зимовку, а летом на берегах можно увидеть гнезда лебедей. Недаром один из самых фешенебельных отелей Гмундена называется «Лебедь». Плавающие у берега птицы с удовольствием принимают от туристов угощение. Любопытно наблюдать, как проворные чайки на лету хватают хлебные крошки.

Гмунден один из красивейших городков Австрии. Но своей привлекательностью он обязан не только средневековой архитектуре, но местоположению. Область Залькаммергут, где находится город, богата прекрасными горными озерами, водопадами и удивительными по красоте горными ландшафтами. В окрестностях Гмундена можно много и долго гулять, наслаждаясь чудесными видами и прекрасным горным воздухом. Здесь созданы все условия для занятий спортом как зимой так и летом. Но даже обычные прогулки по горным тропинкам принесут немало открытий и доставят массу удовольствия. Это прекрасный туристический регион с великолепной инфраструктурой, изысканной кухней, культурными и спортивными центрами.

Гмунден – всего лишь одна из жемчужин в прекрасном ожерелье средневековых городков среди австрийских Альп.

Клод Моне. Вид Аржантее в снегу. 1875

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

ГОРОСКОП МОССАЛИТА

Зинаида Кокорина
(МОССАЛИТ, Королёв)

ГОД КРЫСЫ

Заходите, Крыса, bravo!
Гороскопа календарь
раскрывайте... Ваше право
первой заходить в февраль.

За Свиньей шагая следом
(завершает цикл та),
радости ее и беды
принимайте без поста¹.

Время проявлять характер:
честолюбие и ум,
Вы идей творца создатель,
Вы любитель крупных сумм

и растратчик в одночасье;
собеседник неплохой.
Но доверчивы отчасти:
к цели вы – своей тропой.

Крысы шарм – войти в доверие
с пользой делу своему,
и займы, на слово веря,
нет отказа никому.

¹ * Пост сдал – пост принял.

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

В Крысы год никто не скажет:
шустрый, серенький зверек –
у хозяйки, знает каждый,
очень острый коготок.

Целеустремленность Крысы,
сочетанье дел и слов,
светлый ум и бескорыстность –
признак творческих умов.

Петр Первый, Ричард Никсон,
Лев Толстой, Эмиль Золя... –
тех, кто рождены в год Крысы,
в этом списке длинный ряд.

А теперь о том, чтоб Крыса
Мимо дома не прошла.
Прежде направляем мысли
К украшению стола.

Этот год *земной стихии*.
В глиняной посуде пусть
будут злаки, сыр, сухие
фрукты... утка или гусь;

апельсин – богатства символ;
рыба – символ для удач;
семечки, орехи – сила...
А спиртное лучше спрячь.

В платье, без излишеств, скромном
(цвет пшеницы, серебра),
в коллективе (лучше дома)
Крысы год встречать пора!

С Новым годом!

Московский Салон Литераторов (МОССАЛИТ)

www.mossalit.ru

mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ, 2020